

Роман Шабанов

Знакомьтесь:
МОЙ ДРУГ
МОЛОКОСОС

Роман Шабанов

Знакомьтесь: мой друг Молокосос

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4911597

Аннотация

Детская и подростковая литература – повесть для детей 5–15 лет, а также их родителей с элементами фантастики.

В одном загадочном доме на восемнадцатом этаже живет Филимон – 30-летний ребенок. Пришелец с другой планеты, рожденный в космической капсуле, как он говорит о себе сам, и «вечный ребенок» с не поддающимся лечению диагнозом, по мнению окружающих. Когда ему было десять лет, Филимон отдыхал в детском лагере, в него попала молния и в результате он перестал расти – не внешне, а внутренне. Родители придумали для сына мир, в котором ему хорошо. Необычный Фил живет с мамой – парикмахером, мечтающей быть криминалистом, и папой – археологом, очень редко бывающим дома. Филимон дружит с Лукой, которому семь лет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	43
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	66
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Роман Шабанов

Знакомьтесь: мой друг Молокосос

Глава 1

Она же вводная. Как манная каша может влиять на голос

Знаете, а я люблю манную кашу. Да, да. Эту вязкую, порой с комочками – не то жидкость, не то твердый продукт. Да и не просто люблю, но и продолжаю ежедневно каждое утро докучать близких, в частности маму о приготовлении этой детской кашицы.

«Да и не забудь положить свежие ягоды. Свежие, све-жие. Не варение. Ну, пожалуйста» – обычно говорю я, но не всегда бываю услышан.

Да, у меня не сильный голос. Манная каша никак не влияет на развитие голоса. Это самое первое. Теперь самое второе.

Меня зовут Филимон. Это не шутка. И у меня перед глазами детство. Не только перед глазами. И за спиной, под ногами и над головой у меня детство. Как же это понять? На-

верное, просто. Но для этого я расскажу о себе, точнее уже начал рассказывать. С манной каши.

Каждое утро я сижу перед тарелкой с двойной порцией каши и уминаю ее, с приятнейшим чувством. Представьте снежная гора, к ней подходит великан с большой лопатой и ест ее. Великан – я, а лопата – ложка, которая и служит мне верой и правдой не только каждое утро, но и в обед, погружаясь уже не в рыхлую гору, а в горячее озеро с подводными жителями, и на ужин, окунаясь в желтую гору мятой картошки.

Я люблю картошку тоже, но начало дня так напоминает кашу – приятное, мягкое и вкусное, поэтому утром исключительно каша. Как-то раз приготовили яичницу, и очень пожалели об этом. Что за пища – жаренные яйца? Из них же могли вылупиться цыплята, а их на сковородку... несправедливо. Я вообще не люблю когда жарят то, что может ходить, бегать. У меня слезы наворачиваются.

– Не плачь, – говорит мне мама. – Почему ты плачешь?

– Я не знаю, наверное, я такой добрый, – говорю я.

Родители смеются и лохматят мне волосы. Я отбегаю, но отец настигает меня и начинает щекотить. Он любит смешить. Себя он называет комиком. Я его называю папа. А как еще? Не могу же я его называть комиком или даже папакомиком. Наверное, он будет недоволен. Не люблю, когда папа с непрожаренной котлетой на лице. Говорят «кислой миной», но я люблю говорить на другом языке. Филимоновском. Я

Филимон и должен говорить на своем языке, а не на Ванинском, Танинском, Варваринском. Поэтому придумываю разные фразы.

– Так не говорят, – отрицает мою новую фразу мама.

– А я говорю, – кричу я. – Я что этим словом могу кого-то убить? Нет. Это мое слово. Оно родилось после манной каши. Каша – муза.

Родители чаще со мной соглашаются, чем нет, поэтому я собрал огромную коллекцию слов в большую зеленую тетрадь. Например «зуболобый» – человек, не тот, у которого зубы из лба выступают, а злой, агрессивный человек. Или же собавек – человеческая собака, я таких неоднократно из окна высматривал. Они смотрят на тебя так жалобно, так говорливо. Два глаза – две полости и когда моргают, словно проносят слова, что-то в духе: «возьмите меня к себе, накормите, я вам буду служить, пол мыть и мусор выносить». Я бы с удовольствием, но мама будет против.

Эта история произошла со мною в один прекрасный день. Ничего, что шел дождь. Это для меня прекрасно. Когда солнце – ясно, снег – опасно. Можно поскользнуться и упасть до крови. Итак прекрасный день, дождь... начинаю...

Да, я забыл упомянуть одну деталь. Мне тридцать лет. Это тоже не шутка. Я инопланетянин. Так мне говорит моя мама. А папа называет меня толстячком. Но я на него не обижаюсь. Я действительно упитанный.

Глава 2

Как все это началось.

Откуда приехал отец, и что обычно привозят после пяти месяцев отсутствия

Суббота для меня началась с лязгающих звуков ключа в замочной скважине. Это первое. Ага, мама идет на работу, я догадался. Но зачем же так громко? У меня, в отличие от нее, выходной день. Правда, у меня и вчера был выходной день. И позавчера. Признаюсь, что для меня, что ни день, то выходной. Правда, когда мама идет на работу, я испытываю чувство того, что если я ее сын, то тоже являюсь сотрудником ее фирмы. Пусть я не появляюсь у нее на рабочем месте, но помогаю точно даже тогда, когда мама уже садится в седло (еще одна моя фраза, но она не означает, что моя мама ездит верхом), а я еще крепко сплю. Еще не время открывать глаза... а я настаиваю... не время! Ах, только не этот чавкающий звук! Только не он. Он мне напоминает клацкающих бульдогов, догоняющих маленького котенка. Пушистик мяукает, но ничего не может сделать – псы настигают, у одного длина слюны достигает десять, у другого пятнадцать сантиметров... помогите... Клац, клац, клац... Ну, конечно,

второе, что я услышал, это было шуршание пакета и «здравствуйте» без ответного приветствия. Вместо ответа залаяла собака, и зацокали мамины туфли на высоком каблуке параллельно с открывающимися дверями в лифте и грузным перевалочным шагом. Я стал просыпаться, постепенно отходить от сна и для меня с каждым мгновением стали вылупляться звуки. Мгновение – мурлыканье кошки, которая находилась где-то очень близко. Следующее – тикание часов, которые могут и позвонить, а могут и пощадить.

Наконец – дождь. Он лил всю ночь, я к нему начинал привыкать, и в полной тишине казалось, что он совершенно бесшумный, что он часть этой тишины.

Дома никого, поэтому желание влезть в тапочки и банный халат было особенным. Я встал, обернул себя простыней, халата поблизости не оказалось, и, надев тапочки, пошел на кухню. На столе стояла большая тарелка с манной кашей, накрытая прозрачной посудиной и записка «Милый. У меня всего две головы. Будь умницей. Тарелку можешь не облизывать». На плите стояла сковорода с тостами.

Я фыркнул. Но не от последней фразы про тарелку – к такого рода шуткам я привык, и не оттого, что она величает своих клиентов «головами» как коров – к этому я тоже стал привыкать, но к чему я не мог привыкнуть так это то, что мама до сих пор зовет меня «милый». Я инопланетянин. Разве они могут быть милыми. Милый так похоже на мыло. Неужели я могу быть космическим пришельцем в пене? Не

может этого быть! Надо будет с мамой серьезно поговорить об этом.

Моя мама – парикмахер, отец – экспедитор. Мама стрижет людей, папа их раскапывает. То есть он раскапывает не только людей, а также все то, в чем они жили и чем пользовались – дома, утварь, в котором они варили плов и делали кофе, хотя, наверное, вряд ли в каменном веке было кофе.

Я посмотрел на себя в зеркало, которое стояло рядом с плитой – мама любит делать два дела одновременно, варить и красить (глаза маленькой кисточкой), и увидел далеко не милое лицо, а небритую физиономию уголовного с криминального сериала.

– Ну и рожица у вас, Филимон, – начал я утреннюю беседу с самим собой, чтобы понять насколько я сегодня адекватен и готов вступить в бой с новыми жизненными ситуациями, если таковые будут. – Вы прилетели на планету X, чтобы вступить в контакт с неопознанными объектами. Например, эта чашка. Из чего она состоит? Или же стена. Она прослушивается. Пол теплый. Что его греет?

Я налил воды в чайник и поставил его на плиту, а сам достал с поверхности двухметрового холодильника недоделанного слоненка на манеже – пазл, который я уже собираю около двух недель по субботам и воскресениям (в остальные дни я не могу, так мы со слоненком договорились – то, что представления в цирке только по выходным дням, следовательно я соблюдаю их режим). У этого недоделанного

животного уже было две ноги, часть лица, а именно глаз и два уха. Завершив хобот, мне пришлось оторваться от этого увлекательнейшего занятия, так как засвистел чайник. Одновременно с чайником позвонили в дверь.

– Кто там? – спросил я.

– Хотите получить бесплатный буклет с турами по всему миру? – затараторил звонкий голос то ли девушки, то ли парня.

– Вернулся, – ответил я и хотел было идти на свист чайника, но человек неопределенного пола продолжил:

– Вы зря отказываетесь. У нас действуют скидки для тех, кому за тридцать пять...

Вот успокоил. Щас бы как вмазал ему (так говорит папа, когда кушает блины – вмазать масла)... Думаю, есть за что. Если в другом понимании, то я не любитель махать кулаками. Мне не нравится, когда один калечит другого. Ведь это плохо. Я знаю. Разве они не понимают таких очевидных вещей? Я просто так говорю. А делать я этого не буду, потому что думаю, что это очень плохо. Дело в том, что мне тридцать, но ощущаю себя на пять – десять лет, в этом промежутке. Поэтому когда слышу то, что тебе больше всего не хочется... вспоминаю папу и блины.

Но драться я все равно не буду. Я же не боксер, не спецназ. Да разве они знают те, кто за дверью, но и я не виноват, что так думаю... думаю и все. Но все равно я не буду его колупасить (хорошее слово, правда – колоть и пасти в одном).

– А если мне тридцать? – спросил я.

– Вы тоже попадаете в этот разряд, – уверенно сказал голос.

У него был ответ на любой вопрос, и приходил он не в первый раз. Я ему никогда не открываю. Он меня раздражает. Он слишком много говорит. Даже если он и не знает ответа, то всегда говорит, что... вы понимаете... а что если его по физиономии... в мыслях, конечно. Только чем? Если вообразимым, то чем угодно. Например жирным блином... ой, как неприятно. Еще хочется? Нет? Тогда, проси пощады. Не хочешь, тогда получи еще один горелый. Ага, запричитал? Не будешь больше? Ладно. Да что я волнуюсь? Сегодня у меня есть два преимущества – закрытая дверь и свистящий чайник.

– Извините, у меня чайник разрывается, – говорю я и представляю, как этот носатый не дождавшись моего прихода взрывается с громким треском.

– Так это у вас чайник? – спросил парень за дверью. – Скажу вам честно, слабовато. Слабоватый свисток и очень раздражительный. Хотите испробовать новый?

Его голос звенел, правда, сильно, с фальцетом, но так же раздражительно. Он меня заговорил. Не успел ничего произнести, как заговорил. Заговорщик. Приторный заговорщик.

– Нет, – вот что я ответил, и собрал всю свою решительность, чтобы произнести скороговоркой – неприходите больше у нас все есть повторить?

Знаю, что на короткий вопрос обычно дают короткий ответ. Но что бывает при коротком ответе, не всегда ожидаемо. А у меня был короткий ответ? Сколько слов в коротком ответе? Два или три? Если слово «неприходите больше у нас есть повторить» взять как одно, то...

Я просто ухожу на кухню, оставляя молодого человека говорить в дверь заученный текст. Пусть это не так вежливо, но и они тоже не очень учтивы. Очень смешно, когда он говорит, а его никто не слушает. А что если дверь научить разговаривать? Она будет отвечать и учить уму-разуму этих бездельников. Только учить ее нужно по моей зеленой тетрадке. Там всегда найдется пара-тройка нужных фраз. Например «иди в город бород, где живет всякий сброд». Не факт, что он уйдет, но для этого есть запасная дежурная фраза. Я ее оставляю на самый крайний случай. Она мне не нравится, но эффективно действует на заговорщиков. «Досвидосдурбарбос!» и все, его нет. Что в этой фразе такого страшного. «Дур» или «барбос»?

Вернувшись на кухню, я выключил чайник и заварил в своей именной кружке яблочный чай. Вдыхая ароматы яблочного нектара, я любил сидеть на кухне на угловом диванчике и думать о предстоящем дне. Без яблочного чая вряд ли бы это получилось. Да и с обычным тоже не думаю, что мысли мои были бы хорошими. Поэтому эти две составляющие были необходимы. После чая будет каша, но сперва чай.

К окошку подлетела сорока и присела на выступ за окном.

Никогда я не видел, чтобы такие крупные птицы садились на приоконные жердочки. В основном это привилегия воробья, синицы, на крайний случай голубя, а тем, кто побольше, остается или взлетать на провода, играя городские романсы на струнах (это фраза не из тетради, так говорит моя мама), натянутых между многоэтажками, либо крутиться около скамеек, выпрашивая хлеб у беззаботных старушек.

Сорока провела на этом перешейке не более мгновения – она использовала эту жердочку как привал для отдыха или скорее как возможность оттолкнуться, трамплин для достижения большей высоты. Через мгновение она взметнулась, заработала крыльями и скользя по мокрой жердочке старалась взлететь, но пошла вниз, совершив пики, неожиданное для самой себя.

Тогда помнится я глубоко вздохнул и сделал это так громко, как будто мое горло – это мусоропровод и в высвободившемся воздухе были бутылки, консервные банки, которые летят в темную неизвестность с грохотом и треском... Я вздохнул еще раз...

Зачем я себя обманываю? Я прекрасно знаю, в чем дело. Только эти воспоминания гложут меня, оставляя в районе груди осадок по ощущениям напоминающий проглоченный каменный орех. Тринадцать дней назад приходила моя сестра с детьми. Чтобы поздравить меня.

У меня есть сестра. Вероника. Звучит как будто уменьшительное от Вероны. Я ее так и зову, но ей не очень нравит-

ся. А мне кажется, что это звучит, как комплимент, все равно, что называть человечка человеком. Ей 32, но у нее уже есть семья, двое детей и она представляет полную мою противоположность. Дело в том, что она говорит так, как видит. А как может видеть взрослый человек? Он видит скамейку, он говорит «это скамейка». Он видит человека со шляпой, он говорит «это человек со шляпой». Она не понимает, что скамейка точь-в-точь походит на крокодила, а человек со шляпой на шпиона, который прячет глаза, он скрывается. На просьбу посчитать мои волосы, чтобы записать данные о себе в анкету, она прямо заявила с привкусом какой-то незнакомой речи «а волосы-то адью». Не приятно. Факт. Да, волосы у меня не такие густые, но зачем об этом, можно и промолчать. И при этом она спокойно говорит о Жоржике, своем старшем, сыне, препротивным малом, который занял первое место в брейн-ринге на школьной олимпиаде. «Такой умненький мальчик. Он в меня пошел». А почему? Я знаю, почему. Известное дело – вопросы у соперника были минимум как на поколение легче. А Виолета, ее дочь, не спит которую ночь (прямо стихи), ей снится мальчик, «как быстро растут дети, еще вчера», лидер движения «экологичные тролли» (не совсем понимаю, как тролли могут быть экологичными). Какая мерзость. Мне кажется все это гнусным, но также смешным по своей нелепости и ненужности. Мне начинает казаться, что люди специально создают семью, чтобы окружать себя бессмысленными заботами. Я смеюсь, а сест-

ра всегда это чувствует и раздражается.

Все было хорошо. Был шикарный стол, очередные вареники и не только. Были все самые близкие, кроме отца и моих друзей. Отец был в самой, наверное, дальней в своей жизни командировке и наверное самой долгой. Место, куда он поехал, располагалось в районе Африки, в самой его нижней части, если смотреть по карте. Его уже не было пять месяцев. Мама говорила, что он ищет рудимент, который уже отчаялись найти не только наши, но и западные ученые и, что именно он напал на след этого рудимента. Я не совсем понимал, что такое рудимент и все тонкости его деятельности, но все равно гордился им.

– Филимон, а ты знаешь где находится остров Узедом? – сказал Жоржик, когда основная часть гостей уже произнесла поздравительные речи.

– Нет, не знаю, – ответил я. – Наверное, дом, где живут узики. Есть узники в темницах, а есть узики в домах.

– Дуралей, – воскликнул Жоржик и показал свои кривые зубы. – Узики.

Ты что? Канал «Дискавери» не смотришь?

Я действительно не смотрел канал, состоящий из двух слов «диско» и «вери», и сперва мне показалось, что ему просто не нравится мое общество. Среди гостей не было его сверстников, да и съев салат и вареники, он сидел и зевая очищал банан.

– Остров в Балтийском море, напротив устья реки Одер.

Площадь 405 км². Население 31 500 человек, в Германии и 45 000 в Польше, – зевая сказал он. – Чайник.

Я понимал, что этот вопрос был из игры и, поэтому он его хорошо знал. Почему он меня назвал чайником. Я что очень похож на него?

– Чайник. Хм, – прыснула Виолета, которая крутилась около мамы и время от времени поправляла свои туго-затянутые косички.

– Молчать, козьявка, – резко сказал он сестре.

– Я не козьявка, – с обидой в голосе пыталась возразить сестренка, но понимала, что ее сопротивление ведет к еще большему возмущению со стороны братца.

– Козьявка, что доказательств хочешь? – Жоржик растопырил руки, показывая свое превосходство.

– Не надо.

Виолета отошла, даже не всхлипнув. Она привыкла к такому нерадивому отношению и ждала, когда вырастит, чтобы ему отомстить. Жоржик продолжил:

– А ты знаешь, что если каждый день сидеть дома, то....

– И что? – с улыбкой вступила в спор моя мама. – А? Несчастный случай, цунами? Я, например, и сейчас могу неделями дома сидеть. Да и отец тоже. Как приежает из командировки, его никуда за уши не вытащишь.

Я вообразил, как мы с мамой тянем отца за уши, например в кино. Он сопротивляется, хватается за стол, стулья, вешалку, ручку двери, а мы, как в сказке про репку, тянем и

приговариваем «эх раз, еще раз!». Уши у него покраснели, увеличились и стали напоминать слоновьи. А мы продолжаем: «эх раз, еще раз!».

– Это другое дело, – продолжал Жоржик. – Он неделями на голой земле спал. Конечно.

Жоржик часто подтрунивал надо мной. Для этого не обязательно было ждать моего юбилея. Для этого подходил любой календарный праздник или выходной. Хотя это подтрунивание можно было назвать издевкой, глумлением, насмешкой, измыыванием. Может, я конечно преувеличиваю. Он все же ребенок. Да я тоже... пусть и... большая детина (так меня называет сестра, но я не обижаюсь). Но ведь это не повод, в мой то праздник. Тут я задумался. А что если действительно так? Он хоть и ест меня (еще одно слово, которое означает нехорошее отношение к кому-либо – есть, пить и откусывать), но далеко не дурак. Если это правда, тогда что? И тогда, подтверждая слова Жоржика, я вспомнил некоторые факты:

– Мам, вспомни, как мы целую неделю сидели дома. И только папа бегал по магазинам.

– Да, сынок, – согласилась мама. Мама в тот день была такой красавицей. Ее голубое платье и прическа фантастическая, словно она принцесса. И она меня всегда успокаивала и не давала в обиду. А у меня тоже было что сказать:

– А когда мы ездили в деревню... помнишь? Тоже никуда не выходили, остались там совершенно одни в доме.

Жоржик не унимался. Ему явно понравилось то, что он был в центре внимания и то, что его информация стала для всех конфликтной.

– Хорошо, у меня есть еще вопрос, – деловито сказал он и обратился к моей маме. – И не надо меня перебивать. Это ограничивает права ребенка. Не стоит так. Спасибо. Итак, вопрос.

Он стоял как рыцарь в доспехах. Самоуверенный болван – весь проджинсованный и лакированный (голова у него блестяла, как и нос). Жоржик пригладил свои итак тщательно уложенные волосы – прядь к пряди, волос к волосу, почесал нос и спросил:

– Почему ты носишь такой дебильный костюм? Он что из секунд хэнда?

Мой костюм – рыжий халат, одетый на синюю пижаму с якорьками плюс зеленые тапочки с червячками мне очень нравился. Да, тапочки были куплены на распродаже... а что за секунд хэнд? Не переводится, даже моим мировосприятием.

– Да, и что, – машинально отвечал я, укрепляя стену между мной и десятилетним отпрыском.

– Так одеваются герои из Маппет-шоу, – смеялся он. Казалось, что комната ходит ходуном от его раскатов. – Смешно, но нелепо. Это даже хорошо, что у меня есть такой родственник. Где еще так посмеешься. Я, например, считаю, что люди делятся на смешных и мрачных. Ты из первого числа.

Банан уже был съеден и брошен в большую трехэтажную вазу на самый верх, покрывая груши, и Жоржик взял яблоко.

– Как интересно, – ответил я, наблюдая за его действиями. – Наверное, я должен тебя поблагодарить за такую лестную речь.

Жоржик взял яблоко не для того, чтобы съесть. До этого был довольно таки обильный обед с варениками с прекрасным домашним томатным соусом и все остальное, что лежало на столе, в основном фрукты воспринималось как элемент декора. Он перекатывал яблоко из одной ладони в другую, как китайские шарики и видимо, поэтому был очень спокоен, не смотря на дисгармонию окружающих, созданной им.

– Но мрачных никто не трогает, а смешных все же задевают. Они же одеты, как... их костюм призывает «толкни меня, прохожий, обрати на меня внимание». У меня теория, что ты, поэтому и сидишь дома, что боишься всех.

– Хватит! – обрубил Верона. Виолетта захныкала.

– Ты почему кричишь на моего сына? – вступила сестра. – Разве он виноват в том, что твой сын сидит дома и не интересуется ничем.

Жоржик, как ни в чем не бывало, как будто проигрыватель по которому ударили, оттого, что тот барахлил, мгновенно перевел тему:

– А почему бабушка, только вареники готовит? Она что больше ничего не умеет?

После этого был танцы, задувание свечек и непрерывные

смешки Жоржика – его кроличьи зубы и недобрый взгляд. Вечер был испорчен, и теперь и я не хочу видеть сестру как можно дольше. Как только она приезжает в гости, я залезаю под кровать и сижу там, пока она не уйдет.

Чай немного остыл и я делаю первые глотки, делил предстоящий день на отрезки – до двенадцати, после двенадцати до пяти и после пяти до самого сна. За окном зарядил дождь, и он тоже вносил коррективы в мои радужные планы.

В дождливый день обычно я люблю ходить в гости. Мне кажется, что в непогоду большинство людей сидит дома, готовит разные вкусные блюда и смотрит старые советские фильмы. Они не чувствуют угрызения совести, как обычно бывает в солнечный день. Они просто жуют жареные сосиски с протертой морковью и смеются над злоключениями жан-дарма, который попал в передрагу из-за своего характера. Интересно, он и в жизни такой этот Луи?

Моя мама работала сверхурочно. Заменяла подругу. Она часто это делала. Я даже начал подозревать, что моя мама вовсе не работает, а выполняет секретное задание. А может быть, она закончила институт на криминалиста и в тайне от меня и отца, занимается расследованием разных скабрёзных дел? Она одевает коричневую юбку и такого же цвета блузку, и мне уже кажется, что она одевается в специальную форму, в которой ее не могут узнать те самые нехорошие люди, которых она и пытается найти. А я знал, что таких очень много. Сковорода осталась нетронутой. Я взял тосты, положил их

в мешочек и направился на первый этаж к питомцам.

На первом этаже жили подкидыши. Назовем их так, потому что они действительно подкидывались в наш подъезд. Котята, кролики, мыши, змеи – они образовывали красный уголок. В округе все знали, что 14-й дом – это место, где найдется приют любому питомцу. Попавший в беду, найденный на улице, вытщенный из-под колес автомобиля, вырванный из рук живодеров – всем находилось место. Но так было только поначалу. Потом возникли проблемы. Животных стало слишком много, их стало даже больше, чем жильцов. Этот уголок, где они помещались, уже нельзя было назвать уголком. Он скорее походил на загон для скота. Нужно было искать дополнительное место для детей природы. Кто пытался пристроить хомячка на работе, кому удавалось отправить своим дальним родственникам, создав хорошую рекламу ящерке или бесхвостому коту.

Жители дома, заинтересованные в этом, даже создали блог в Интернете со страничкой «отдадим даром». Люди обращаются. Редко, но пять рыжих котят, еще слепых были отданы за два дня.

Питомцы встретили меня очень радушно – дружным мяуканьем, поскуливанием и шипением. Животных стало значительно меньше и кроме рыжего щенка, полосатого котенка и маленького ужика никого не было. Всех разобрали. Блог хорошо рекламировался.

Я накормил щенка – он ел горбушку, твердые слои, котен-

ку достался мякиш, а ужику я конечно накрошил, но не был уверен, что он будет доволен моим гостинцем.

Сделав доброе дело, я высунул нос на улицу, чтобы узреть воочию удел с непогодой. Дождь лил, и не собирался оставливаться. Он явно зарядил на целый день. По огромным лужам вздымались пузыри и не унимающиеся кавалеры с цветами стояли под детским грибком на детской площадке из металлолома, карауля Лару с пятого этажа. Я поднялся по лестнице, подошел по привычке к почтовому ящику, чтобы проверить корреспонденцию. Что я увидел?! Ящик был разукрашен. Кто посмел? Хулиганье.

Я был зол. Наш ящик, в который приходили письма от отца, за которым я старался следить (но не могу же я караулить его постоянно), был иллюстрирован – бородатая физиономия, вроде как взрослого человека, но с соской во рту. Недоглядел. Только выместить было некуда. Я покрутил головой. На двух ящиках также красовались мотоциклы и всадник на драконе. Значит, не только мы пострадали. Это немного успокоило меня.

Ладно, что в ящике? Я попытался стереть бородача рукой, используя слюну, как чистящее средство, но удалось удалить только соску, вместе с ней и рот, уши и часть бороды, остальные куски не стирались... надо буде прийти с мылом. Что в металлической коробке?

Итак... телеграмма. Почему она в почтовом ящике? Ее же должны приносить прямо домой. Что за бардак в почтовом

королевстве? Так, ладно. Кому она адресована? Посмотрим. Она была адресована маме. Ну и что, что маме. Это же телеграмма. Сверхсрочное письмо. Я знал, что нельзя читать чужие телеграммы, но любопытство взяло вверх.

«Здравствуйтесь зпт мои дорогие тчк буду 18 тчк встречайте тчк ваш капитан»

Папка! Какое сегодня число?

Папа всегда называл себя Капитаном. Сегодня какое? Ну конечно. Восемнадцатое.

Я забежал в квартиру. Я не помню, как я бежал по лестнице, только очнулся на пятом этаже и нажал на потускневшую кнопку вызова лифта. Когда лифт приехал, я уже был на десятом, бросив взгляд на междуэтажное такси, помчался дальше, не останавливаясь до самого порога. Дверь была открыта. На диване сидел мужчина. Он сидел в больших грязных сапогах, и вокруг него образовалось несколько лужиц.

– Папа, – воскликнул я.

– Сынок, – крикнул он не менее громко. – Дорогой мой!

Он так крепко меня обнял, да и я тоже не меньше соскучился, поэтому объятие и было крепким. Оно было как один глубокий вздох, замерший на какое-то мгновение, чтобы этот миг запечатлелся, и в дальнейшем отец мог вспоминать все эти кадры из проведенного дома кинофильма в экспедициях.

– Как хорошо, – сказал он, и мне так сильно передалось его состояние, что я с трудом выдохнул скопившийся от пе-

режитого воздух. Пхфууу... вот так примерно.

Он сперва, осторожно, только первый шаг, потом более решительно прошелся то вправо, то влево, повернулся к окну – он заполнял собою пространство, в котором так долго не был. Мне нравилось, когда папа это делал. Он совершал это в сотый раз и в сотенный раз я восхищался, как он вышагивал по комнате в грязных сапогах. Ошметки грязи, такие трафареты в виде восьмерки образовывались после каждого шага. Мне было нельзя повторять этот трюк... Папе было можно. Сегодня он герой дня. Мой и мамин.

Пусть папа сто пятьдесят дней в году проводит в экспедиции, а мама восемь часов в день в своем салоне, это ничего. Ничего, что папа приезжает из своего тура с насквозь прокопченной одеждой и его внешний вид разительно отличается от первоначального, ушедшего. Первые секунды мы немеем, потом не заставляем себя долго ждать. Да и он, ничуть не смущаясь своих наработанных фолиантов на лице и в одежде, бросается к нам. Что говорить? Соскучишься тут за месяцы, пока его нет.

Экспедиции бывают разные – от недели до полугода. Как повезет. Меня интересовало, как для папы лучше – шесть месяцев сразу и потом отдыхать долго или же наоборот – по чуть-чуть, но много. Я ничего не хочу сказать, дом папа любил, но работа для него была нечто вроде приключением из детства, и он часто в это детство возвращался.

Чем же он занимался? Раскапывал древние города, знако-

мился с племенами, которые отставали по развитию? Вроде так. Папа никогда не рассказывал о своих приключениях, да и я не спрашивал. Мне всегда казалось, что вопросы в семье, например, сидя за столом, надо задавать по старшинству. Сперва мама расспрашивает его, пока мы наблюдаем, как он жадно ест и нахваливает домашнюю пищу, потом уже я. Но я не спрашиваю, я смотрю на него, так приятнее, чем всякие там вопросы.

– Где мама? – спросил он.

В его голосе сквозила хозяйская расторопность – он должен был проверить все ли осталось так, как было перед отъездом.

– На работе, – с досадой в голосе сказал я. – У нее сегодня две головы.

– Ага. Всего две. И сколько это по командирским?

Он о чем-то задумался. Я понимал, что папа может о чем-то думать, но я его не видел уже пять месяцев, неужели он не мог надуматься там в африканской саване пока искал рудимент.

– Она не указала какая голова, мужская или женская, – сказал я.

Я смотрел на отца на его интересные глаза, в которых скрывалось таинство пребывания в джунглях, в климате, напоминающем горячую батарею и пытался найти то особенное, что отличает людей, работающих на заводе и людей, бороздящих земли, как мой папа.

– А если примерно? – он понемногу выходил из своего укутанного состояния, приобретенного за время отсутствия.

– Примерно? – переспросил я, давая понять, что услышал вопрос. – Каждая голова занимает примерно сорок пять минут.

– Округляем час, – он говорил так, словно заводил часы или занимался таким делом, которое может его довести.

– Да часа через полтора она уже точно будет, – успокаивал я его, видя, что отец не останавливается, и продолжает крутить винтик на механизме будильника. Краме, крамс одну голову, чик-чак другую и все она дома говорит «какая проволока у одной» и «какая солома у другой».

– Приехали, – твердо сказал отец и прошелся по комнате, создавая вибрацию в серванте, на люстре и на моих зубах. – Так мы сейчас приводим себя в порядок. Забираем, нет, не так, крадем маму с работы и устраиваем домашнюю пирушку. Ты не против, сына?

– Нет, – радостно ответил я.

Отец был похож на вождя краснокожих, которому предстояло повести за собой большое племя в моем лице к водопою в мамином лице.

– Я говорил тебе, что я встретил племя? У них есть общие черты. С тобой.

Отец говорил машинально, пока я переодевался из одежды домашней – банный халат и тапочки в одежду парадную – джинсы и водолазка с малиновыми штиблетами. Странно,

что он заговорил о поездке. Не спросил меня, как поживает дядя Коля. Другие соседи, как наша кошка Патриция (я что не упоминал ее, вот это упущение). Его приезд сопровождался хмыканием, как будто он так разговаривал на этом хмыкающем языке, и приехав он не сразу мог перестроиться на этот, домашний. И сейчас заговорил о моих чертах. Черточки у меня немного есть. На лбу и около губ. Он про эти черты-черточки?

– Папа, ты о чем? – не совсем понимая спросил я.

– Мы должны поехать, – ответил отец, и почесал нос, словно это был зашифрованный знак для предстоящего дела.

Вот так папа. А может быть это не мой отец. Он говорит не то, что обычно. А что вполне нормально. Я же тоже прибыл с другой планеты и пусть папа – землянин, он может попасть под влияние тех, кто живет на других шариках, прямоугольниках (планеты бывают разной формы). А что сели он – это президент той планеты, откуда прилетел я, просто он принял обличив моего папы (так легче войти в доверие) и пытается похитить меня?

– Это что шутка? – воскликнул я.

Когда отец шутил он не предупреждал, что логично и выходило так, что я не совсем понимал, где та граница, где кончается серьезное и начинаются моменты, приводящие к улыбкам, а то и большим проявлениям смеха.

– Действительно, шутка, – сказал отец, прищелкивая пальцами, показывая частотой совершаемых щелчков, что

нужно спешить. – Даже там, где я был, а это вон где, посмотри, там нет таких редких как ты, сына. Хотя зачем далеко ходить. Я у тебя ничуть не хуже.

– Да? – задумчиво спросил я, и успокоился. Я вспомнил, как отец мне рассказывал о том, что у каждого человека в обязательном порядке есть двойник. И не обязательно этот самый двойник будет жить с тобой в одном доме и даже в одном городе. Вероятно, что он живет на другой стороне Земли.

– Поехали, – продолжая отстукивать свой беспокойный ритм, сказал отец.

– Куда поехать? – удивленно спросил я, и посмотрел на отца, глаза которого моргали в такт музыки пальцев. Я все еще был под сомнением и на всякий случай решил не выходить. – Ты только что приехал.

– Ты разве забыл? – улыбнулся отец. – За мамой? Мы едем красть маму с работы. Случился непорядок. Папа приехал, а мама на работе лязгает ножницами и знать не знает, что папка-то уже на пороге. И не то, чтобы уже на пороге, уже пересек черту и хочет праздника. Но какой же праздник без мамочки. Вперед.

Папа был таким как всегда, когда приезжал с экспедиции – копченый, с сальной головой и двухмесячной бородой. Его вид можно было охарактеризовать – «он вышел из тайги». Теперь я не сомневался. Он не был президентом. Возможно, в другой раз.

– А привести себя в порядок? – напомнил я.

– А я в порядке, – пропел он. – Ты бы знал, сына, что я в таком порядке, в каком давно не был. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – ответил я, но сказал неправду.

Я не совсем понимал отца. Было бы конечно лучше, если бы он сходил в душ, сбрил свою растительность и одел что-нибудь городское. Его защитная одежда, первоначально цвета хаки, приобрела болотный оттенок и висела на нем мешком. В экспедиции он заметно худел. За время, проведенное дома, набирал вес.

– Где моя 56-я шляпа? – воскликнул отец.

Он носил шляпу, не снимая. Шляпа была для него его визитной карточкой. Будь то званый ужин или поход в кино, на выставку, в торговый центр, на нем всегда была шляпа – с пером или без. Работа лишала его этой возможности – в экспедициях в шляпе особо не походишь, она за один день придет в негодность. Но дома другое дело. Хочу упомянуть, что коллекция насчитывала девяносто три шляпы. Где-то в альбоме есть фотографии отца со шляпой. Ровно девяносто три фотографии – такая шляпная фотосессия.

В 56-й шляпе отец женился и считал, что она приносит удачу. Он носил ее только по особым случаям. Когда ждал маму из роддома и во все дни своего приезда.

Мы вышли во двор. Дождь зарядил из всех облачных орудий и мы огибая лужи, пробирались к гаражу. Проходили как эстафету. Из окна выглянул дядя Коля. Наш сосед. Тот

самый, про которого папа всегда спрашивал. Тот очень интересно жил и про него всегда было что рассказать. Например, вчера он чинил велосипед соседскому мальчику и привлек к этому весь двор. В итоге собрали – мотоцикл. Мальчик был очень доволен. Сосед сейчас стоял в проеме и хитро улыбался. Приехал лучший в мире слушатель, как тут не улыбаться. Накопилось столько информации! Нам не было видно дяди Коли. Но его красный спортивный костюм с белыми лампасами нельзя было ни с чем перепутать.

– Здравия желаю, Капитан, – проговорил он. Он говорил спокойно, не надрывая связки, словно между нами было не более одного метра.

– Комбат хоккейного дела, гип-гип! – бравадно ответил отец.

Дело в том, что дядя Коля был тренером детской хоккейной команды. У него была верная жена и росли трое еще несформированных под тренировки близнецов.

– Хорошо выглядишь, – поставленным голосом сказал сосед. – И ты, Фил. Я зайду. Попозже. Мне мясо надо крутить. Кашу сварить. Как накручу, сварю, так к тебе. Жди, я зайду.

– Мы сегодня семьей, а завтра, – пропел папа, но дядя Коля не слышал или не хотел слышать.

Папу можно было понять. Если отец приезжал внезапно из своих научных приключений, то дядя Коля почти всегда заходил к нам неожиданно. Он мог прийти рано утром поговорить о прошедшем дне олимпиады, а мог и поздно вече-

ром зайти за солью. Отец уважал строптивного соседа, но мы то с мамой для него были намного важнее. Ведь он не видел нас довольно долго и очень соскучился.

Как-то раз я спросил отца:

– А ты скучаешь по нам? По мне? По маме.

На что он ответил:

– Нет, не скучаю.

Мне так стало обидно. Как же так? Не скучает!?! На что отец сознавая, что я не сразу пойму это, ответил:

– Когда скучаешь – это не совсем хорошо. У тебя пропадает аппетит, ты становишься скучным, с тобой никто не желает разговаривать. Конечно, делают попытки, но ты грустишь и это состояние очень сильное. Оно как болезнь. Как только позволил вирусу проникнуть в себя, то все пиши пропало. Один день скуки равняется одной потерянной недели. Разве хочется терять целую неделю, за которую можно сделать столько полезного. Ответ, сына?

– Не хочется, – я был согласен с отцом. Конечно, он говорил очень убедительно, только я все равно до конца этого не понимал. – Но как же? Есть же связь между людьми на расстоянии? Разве ты не чувствуешь, как мы здесь без тебя? А?

– Чувствую. Но для этого не обязательно грустить. Об этом достаточно думать, смотря на ваши фотографии, которые всегда со мной.

– Ну, я найду – ответил дядя Коля, и исчез в окошке. Вместо него появилась его жена, Надежда, с которой у отца были

отношения ученик-учительница. Она считала, что мой отец плохо влияет на ее мужа. Он с такой цыганской жизнью и ее Коля с четкой жизнью по графику и постоянной диетой. Тем более, когда появились наследники и все мальчики.

– Здравствуйте, Надежда Викторовна.

– Здравствуй, космонавт.

– Как поживаете?

– Поживали.

Это она подразумевает, что до приезда было намного спокойнее. Ничего, это она только первые три дня после приезда дуется, потом она становится шелковой.

Мы подошли к гаражу, чавкая плоскостью подошв по лужам. Отец приложился ключом к замку. Клацк, клацк. Тот не поддавался. Замок немного отсырел. Ну не зря мы с собой взяли бутылку масла.

– Ну-ка сына немного маслица, воротам, – отдал приказ отец и вытянул руку – жест, который делают хирурги во время операции, запрашивая у ассистента нужный инструмент.

– Есть, Капитан, – отчеканил я.

Все, что бы мы не совершали с отцом – прогулка, поход в магазин и наконец такая целенаправленная – в гараж, все сопровождалось игрой. Мне казалось, что папа не растет, что он как-то в юности приостановился и, только морщинками и сединой доказывает, что меняется под сенью лет.

Я вылил изрядное количество масла, замызгал свою любимую водолазку океанического цвета, но как оказалось не зря

– замок поддался и осевший после двух холодных сезонов зимы и весны скрипнул недовольно, вызывая к себе жалость и сострадание. Отворив ворота, мы увидели, что наш автомобиль «Победа» находится в прежнем состоянии и первое, что бросалось в глаза – это пыль, стоявшая как говорят ко­ромыслом и сидевшие на полках глиняные коты, улыбавши­еся в полный рот.

Мама была очень обескуражена, когда накручивая оче­редной вихор своей клиентке, она увидела перед глазами об­разец антисанитарии в образе бородатого, но долгожданного мужа.

Не долго думая, не дожидаясь пока она бросится на шею к своему Одиссею (путешественник, решивший побродить и бродил по морям... 20 лет!), пропадавшему без малого пять месяцев, отец, не сказав ни единого слова, подошел к маме и поднял ее на руки.

– Отпусти, – пыталась она сопротивляться и даже начи­нала стучать кулачками сперва по груди, потом по спине, ну и завершив свое недовольство попыткой спрыгнуть с поднят­ой высоты.

– Не отпущу, – твердо отвечал он.

Потом она обмякла, перестав суетиться. Она смотрела на отца, которого не видела так долго и все не решалась при­близиться к нему, что было так очевидно – то ли боялась уколоться об его суровую растительность или до конца не верила в то, что это действительно правда.

– Нашел рудимент? – шепотом спросила мама.

Точно, рудимент. Именно он нас раскидал в разные стороны на эти бесконечные месяцы. Я его даже возненавидел. Как странно ненавидеть то, о чем даже представления не имеешь.

– Да, – ответил папа. – Не поверишь, что я нашел его перед самым отъездом.

Мама обняла его. Интересно, а если бы не нашел рудимент, тогда бы что? Мы бы тоже его не видели лет... двадцать?

– У меня клиент, – сказала мама с какой-то грустью. – Ты разве не видишь?

Клиентом была женщина лет тридцати пяти, которая понимала, что это нашествие может угрожать пусть не ей самой, но ее прическе, поэтому она насторожилась и пристально вглядывалась то в зеркало, то на мастера.

– Сегодня ты выходная. Извините, но ей нужно идти, – папа был похож на кубинского президента Фиделя Кастро, не только бородой, но и позицией лидера, его голос выражал уверенность, и с ним невозможно было не согласиться. Клиентка сдалась. Какая понятливая женщина. У нее в общем-то и прическа уже была, мама заканчивала стричь, то есть мы подошли вовремя.

Мы ехали домой. Я сидел на заднем сидении, и около меня покатывались то в одну, то в другую сторону две дыни и два арбуза, а также три пакета со всякой всячиной (колбаса,

сыр, газировка, шпроты, помидоры и даже гранаты). Отец одной рукой держал руль ехавшего автомобиля, а второй рукой держал маму за руку. Мне было хорошо от этой застывшей на время пути от парикмахерской до дома картины.

После обеда, или ужина (по времени уже был вечерний завтрак) – когда все встали из-за стола, было где-то около десяти, папа, приведший себя в более совершенный вид – побрился, умылся и оделся, показал пальцем на стоявшие валом рюкзаки и посмотрел на маму.

– Можно, – с легкой усмешкой удовлетворенной женщины, что все в ее руках сказала мама. – Теперь, можно.

Папа вскочил резво, как ребенок и начал процедуру потрошения. Он стал распаковывать свой рюкзак. В этот момент он напоминал мне малыша, к которому пришел дед Мороз (папа чем-то напоминал новогоднего старика) и тот просит его самому достать подарок из мешка. Восторженный «малыш» расположил вокруг себя топор, какие-то мешочки, узелки, коробки и каждый раз засовывал в рюкзак руку, а та утопала в нем как в бездонном озере, пытаюсь вычерпать с самого дна что-то очень ценное. Наконец, по видимому он это «ценное» нашел, так как его глаза оживились и в следующий момент он достал с самого дна «озера» глиняную свистульку по форме напоминающую птицу и поднял ее над головой как идол какого-то бога.

У отца была коллекция глиняной посуды, которую он собственноручно сделал из глины, привезенной из экспедиции.

Он частенько привозил глину. Та хранилась в ванной комнате, в ведре. Приезжая с экспедиции, он заглядывал в ванную и говорил:

«Глинка-то уже не глина. Нужны запасы побогаче».

И в следующий раз обязательно наравне с бутылками святой воды из озера мертвых и кокосами с нарисованными гербами племен, он привозил глину.

Иногда он привозил уже готовые фигурки (да, да кошечки в гараже тоже – папины проделки).

«Я когда вспоминаю дом, всегда делаю что-нибудь. Вчера вспоминал тебя, сынок и сделал свистульку».

Неужели я ассоциируюсь со свистулькой?

Помимо свистулек, в арсенал привезенных глиняных изделий входило – сердце, кружки, вазы, фигурки антилоп, мышей (сделанные с натуры, по его словам) и других вполне обычных животных и даже чайник.

Мама знала, что папа первые дни несколько не похож на себя.

Например, он не может первые дни спать на кровати, есть обычную еду. Он даже просыпаясь, сразу же выходит на балкон и завтракает там, слушая пение птиц в полнейшей тишине. Первая неделя, что сказать – адаптационная. Мы к этому привыкли.

– Что наш папа снова приехал с племенем в голове? – подмигивая, спросила мама, переводя взгляд то на отца, то на меня, стараясь узреть сходство. Если бы я проводил такое

количество времени вне дома, засыпая под лай гиен и просыпаясь от шипения ядовитый рептилий, то я бы, наверное, больше походил на отца. А сейчас я был обычным домашним реб... ну или взрослым ребенком. – Сынок, нам придется долго выкорчевывать из него одно за другим. Ты готов?

– Наверно.

Мне в отличие от мамы, нравилось, что отец поглощен так сильно этим занятием и, пусть на первый взгляд, оно не кажется таким серьезным, но это только на первый взгляд. На самом деле, чтобы заниматься этим, нужно быть... нужно быть. Нужно быть моим отцом, а это никому не под силу.

– С помощью этого свистка, я буду вас на ужин созывать, – воскликнула мама, умиляясь сувениру. – И не надо голос сажать.

– Тихо, – прижал указательный палец к губам отец. – Это не просто свисток. Это священная птица.

– Да, конечно. Весь гараж этими святыми забит.

Мама подошла к отцу и обняла его. Я понимаю, что за время отсутствия отца она тосковала по этой возможности прижаться до боли. Даже в среднем если человеку примерно нужно в день одно объятие, то мама недополучила около полутора раза объятий и поэтому старается компенсировать.

– Да если ты хочешь знать, этому богу мудрости три тысячи лет, – отстранился отец. По мне он тоже недополучил такое же количество объятий – странно, что он ведет себя по-другому. Хотя у мужчин все происходит несколько иначе,

нежели у женщин (я так предполагаю, не уверен конечно).

– И что? – продолжала мама липнуть к отцу. – Мы должны ему поклоняться?

– Не совсем, – уже не совладав с маминой прытью, сбавляя тон, ответил отец. – Просто, ты понимаешь. Как бы тебе это сказать. Он знает ответы на все вопросы.

Мама посмотрела на глиняную птичку и взяла ее в руки. Это была миниатюрная фигурка птицы отряда дятлообразных с определенными нюансами, которые бросались в глаза. Большой выпуклый живот, как у индийского Будды и ляжки на теле, напоминающие комбинезон.

– Что прямо таки на все? – она поднесла его так близко, что если бы птица была настоящая, то она непременно могла клюнуть маму в самый нос или просто задеть, что в принципе одно и то же. – Хорошо. Тогда я хочу знать, сколько у меня будет клиентов на следующей неделе? Ну, что же он молчит? Я тебя спрашиваю.

Мама поднесла фигурку к губам и что-то начала нашептывать в то самое место, где по ее мнению должно было быть птичье ухо.

– Подожди, – прервал ее переговоры отец. – Он не может тебе ответить.

– Почему же? – игриво спросила мама, и тут же сменила объект внимания на отца.

– Так как сейчас еще день, – папа неожиданно снова сбавил тон. Папа опасался мамы. Немного. И продолжил более

уверенно, когда увидел мои удивленные глаза. – А он раскрывает свои возможности только после полуночи. А до этого, днем – это простая глиняная свистулька.

Интересно то как. Если даже и половина того, что он сказал, да что там пусть десять процентов будет правдой, тогда... как интересно!

– Пап, то есть после полуночи, – пытался я разузнать все об этом глиняном друге. Для меня он уже был другом, который будет слушать мои вопросы и отвечать, отвечать. Вопросов у меня было много.

– Ну, да, – перебил меня отец, понимая мой интерес. – Мне его подарил туземец из племени Харида. Он так мне и сказал «Блап капров воста. Семинутка камин нерта».

Мы с мамой застыли. Мама посмотрела на меня, ожидая, что я тоже посмотрю на нее в доказательство происходящего безумия, но я не стал этого делать, потому что уже был заморожен происходящим.

– И что это было? – вынуждена была спросить мама.

– Это значит, что в нем заключен смысл всего, – полушепотом сказал отец.

Мама всплеснула руками, и хлопнула ладонями с таким звоном, что дрогнул не только я, но и отец наравне с посудой в серванте.

– Так давайте спать, – сказала она.

И откуда не возьмись, накатилась волна усталости. Мы с папой как по команде зевнули и он, обняв меня за плечи,

сказал:

– Хорошо, сегодня надо действительно выспаться. А фигурку я отдам тебе на хранение, сына. Хорошо?

Папа кинул на меня такой серьезный взгляд, что я не задумываясь ответил.

– Хорошо. То есть, есть, Капитан.

– Спокойной ночи, капрал.

Я улыбнулся маме и папе, и почему-то улыбнулся глиняному богу, словно он не был бездушным свистящим предметом, а таил в себе действительно какую-то тайну. Во всяком случае, папа говорил убедительно. Хотя он всегда говорит убедительно. Ладно, спать, как сказала мама.

Родители ушли спать, а я долго не мог уснуть. Сперва я вспомнил папины слова по поводу человека, похожего на меня. Неужто, он действительно искал? Или так искал, между делом. Потом я попытался его представить. Того самого человека. И человек ли он? Неужели он тоже прилетел с другой планеты? И почему живет в Африке? Да, там круглый год лето. А меня сюда занесло. В снега, в водопады воды и листьев. Наверное, у него другое имя и он не сидит дома. И есть ли у него дом? Если есть, то какой. Из пальмовых листьев? Да и говорит он на другом языке, мне не понятном. На хмыкающем? Но в тоже время он точно такой же, как я. То есть ему три десятка, он любит манную кашу и он также живет со своими родителями?

Я смотрел на глобус, на ту самую точку, в которой побы-

вал отец, и с трудом верил, что папа осмотрел полностью этот кусок земли, и поговорил со всеми. А вдруг другой, более похожий, спрятался в укрытие? И не на том острове, а на другом? Не то чтобы я очень хотел, чтобы у меня были такие знакомые, просто проще жилось бы. Я бы знал, что такой не один и мне этого было бы вполне достаточно.

У меня на стене висел календарь, в котором я рисовал крестики на прошедших днях. Дни заканчивались в двенадцать ночи, и как только кукушка в прихожей запевала свою однообразную песню, я вскакивал с пружинистого матраса, брал висящую на проволоке ручку с силиконовым основанием и рисовал две пересекающиеся прямые, которые завершали, подытоживали день. Но были даты, которые я помечал зеленым цветом. Папин самый любимый цвет. Этот день, а иногда и дни, когда должен был приехать папа. Зеленый пунктир – когда папа звонил.

Глиняную фигурку я поставил около постоянного горящего ночника с плавающими гарпиями и долго смотрел в глаза глиняному богу, который чем-то напоминал отца, в момент приезда из экспедиции. На ночнике висел список лекарств, которые я был должен принять. Утром одну желтую пуговичку, днем – желтую пуговичку и зеленую торпеду, вечером – только торпеду. Без них у меня бессонница и кошмары. Нет, они не снятся. Просто кошмары. А это еще страшнее. Если во сне страшно, то проснувшись страх проходит, так как нет чудовища, он остался во сне. А здесь он живой и сколько

бы ты себя не щипал, только вскрикиваешь, а проснуться не можешь, потому что ты не спишь. Но я выпил торпеды, и собираюсь спокойно уснуть.

До полуночи еще оставалось полчаса и не дожидаясь неторопливой кукушки, я уснул, погружаясь в мир киносновидений.

Глава 3

Мама, папа, вместе и раздельно. Может ли дружить тридцатилетний с семилетним

Что для меня семья? Это главное. Как самое главное в лесу – это что?

То, что деревьев много. Они корнями держатся друг за друга. Так и семья. Правда, руками что ли?

Так мне разъяснял Лука. Его имя произносилось Лу-ка, с ударением на первый слог. Он был моим другом. Сам он был родом их Хорватии.

Семья переехала, когда в Хорватии был переворот. Президента выгнали – я смеялся, когда Лука мне рассказывал об этом, что его прогнали, как ребенка. Разве такое бывает? Президента нельзя метлой. Это все равно, что папа. Только детей у него больше. Все кто его слушается ему как дети. Пусть он не знает всех поименно, но он старается сделать их жизнь лучше. Хотя бы на этой планете. И его выгоняют за то, что... Лука сам не знает. Придумал, что он развалил бюджет. Юморист, разве можно за это выгнать? Хотя, что такое бюджет (напоминает будку с джемом)? Президент случайно упал на коробку с джемом. Бывает. Я частенько умудряюсь

падать прямо на йогурт или сметану. Ему семь (Луке). Настоящих семь лет, помноженных на триста шестьдесят пять дней. Что-то около двух с половиной тысяч дней получается.

Лука относится ко мне как к учителю, хотя порой и сам ведет себя как заправский преподаватель из университета. Он говорит о каком-нибудь научном факте, и при этом так размахивает руками, что со стороны кажется, что он отгоняет пчел. Он говорит громко, четко и всегда смотрит прямо в глаза.

Что значит дружить тридцатилетнего с семилетним мальчиком? Представьте, площадка около дома, идет мужчина, на поводке собака. Нормально, собака попросилась, хозяин взял поводок, пристегнул карабин и по лестнице вниз. Собака несется, а хозяин едва удерживая ее, похож на перетягивающего канат или спринтера, у которого развязался шнурок и он на него наступил. Нормально? И, как правило, со стороны не совсем понятно, кто кого выгуливает.

Это наш случай. Лука меня водил. А я как верный пес слушал ее. Да как было не слушать. Он был достойным собеседником в свои семь, а я слушателем в свои три десятка. Неужели кому-то достаточно семи лет, чтобы освоить эту сложную науку общения, а кому-то почти полжизни, чтобы только научиться слушать?

Для Луки в его семь были открыты все горизонты. Он пересек уже два железнодорожных полотна, у него было несколько проделанных километражей. Один километр,

пять, в следующие выходные – семь, по количеству лет.

У него были свои законы. Я же в свои 30 лет ничего не видел. Я всего несколько раз выходил из дома один. С родителями всегда пожалуйста. Так мы ездили к маме, ежемесячно к доктору в городскую больницу. Там меня осматривает женщина, похожая на тыквенный пирог. Она смотрит мне в глаза и всегда задает один и тот же вопрос «Ну как у нас дела на этот раз?». И я молчу. Я люблю притворяться глухо-немым, когда я попадаю в кабинет с кислым запахом. Все ругаются и родители тоже. Но я думаю так, что врачи подсланы. У ну их есть цель – выведать у меня секретную информацию. Я делился этими соображениями с отцом. Ему тоже не нравится эта женщина-тыква. И мама говорит, что врачам верить нельзя. Они все недовольны жизнью. У них маленькая зарплата и они носят старые стоптанные туфли по многу лет. Да, у тыквы туфли протертые. Мне нравится быть на улице, но запрет действует двадцать четыре часа в сутки. Даже с Лукой можно было выходить во двор не на долго. И мне часто казалось, что там за домами, еще за домами и еще есть то место, где меня ждут и надеются, что я выйду из дома и постучусь к ним в дверь. Только между этими двумя действиями пролегает расстояние, которое может быть о-очень большим.

– Наш дом вырос за одну ночь. Его полила мохнатая туча, похожая на шлем у викинга. Когда-то дом был похож на конуру или деревенский сарай.

Так мне рассказывал Лука. Он всегда мне открывал глаза на то, что вроде бы очевидно, на то, что я должен знать, но не знал. Я знал, что ему только семь лет и семь лет назад дом не мог быть похожим на конуру, но его слова действовали на меня так убедительно, что я подумать не мог, что друг мог лукавить.

Помимо Луки у меня был еще один наставник, дядя Коля. Тот, что хоккеист. Очень умный человек.

– Наш дом похож на Ингапирку, – говорил он. Вижу твое недоумение и правильно. Об этом мало кто знает, но я тебе скажу. Ингапирка – это древнейшее поселение индейцев.

Я разрывался между двумя определениями – то ли конура, то ли поселение индейцев. Так что? Дело в том, что дядя Коля говорил еще более убедительно, чем Лука. Оказывается, это неправильно, что люди думают, что если ты дровосек, то ни о чем, кроме как дереве, лесе и топорах не можешь говорить.

– Есть такой остров Эквадор, – начинал он, и я с открытым ртом внимал ему. Мне казалось, что он кормит меня пересоленной кашей и поэтому заговаривает меня. Но я знал, что кормит пересоленной кашей недобрая няня, а он если бы и был няней, то обязательно самой доброй и самой умной.

Мне казалось, что причина того, что все меня учат, кроется в телевизоре, подключенного к кабельному и у всех, кроме меня была возможность смотреть то редкое, что мне только снилось. А именно – клуб почемучек и куча других про-

грамм, от которых становишься умнее. Это только потом я узнал, что не в этих программах вся суть. Все дело в жизненных приоритетах, вот как. Это уже меня дядя Коля науськивал. Каждый понемногу. В отличие от родителей. Они же меня ничему не учили. Они были против всякого рода программ и считали, что те мусорят наш мыследворик, по словам мамы. Правда, с ними поэтому было так легко. Складывалось такое ощущение, что они сами ничего не знали. Мама никогда не рассказывала о каких-то серьезных фактах, а папа не вдавался в теоретические сведения о своих раскопках.

– Телевизор вредит нашему сыну, – подслушал как-то я разговор своих родителей. Они думали, что я не слышу. Это говорила мама.

– Ничего, по мультфильму в день можно, – говорил отец.

– Нет, – отрицала мама. – Ты же знаешь, что это может плохо повлиять.

– Да, знаю, – соглашался папа. – Его гиперчувствительность.

– Вот именно, – одобряла мама. – Он необычный ребенок. Он все принимает близко к сердцу. Поэтому он не смотрит телевизор и не ходит в зоопарк, потому что он вечный ребенок, у которого все оголено...

Как они смешно разговаривали. Оголено. Я же одетый. Я хотел выйти и посмеяться вместе с папокомиком, но отец сказал:

– Тогда я буду телевизором, а ты для него Интернетом. И

он будет тянуться за тобой и не отставать от меня.

Мне это понравилось.

Мама немногим выше папы. На сантиметров пять в домашней обстановке, на пятнадцать – распушив волосы и надев туфли на платформе.

Странно, но когда родители познакомились, они были примерно одного роста. И чтобы компенсировать этот недостаток, папа носил маму и поднимал ее довольно высоко – мама была действительно легкой как пушинка. Вероятно, папа под тяжестью мамы уменьшался, а мама находясь на высокой позиции росла. Так думал я. Правда потом выяснилось, что мама выросла после знакомства на семь сантиметров. Она отдыхала в Гаграх со своими родителями и о, этот горный воздух и здоровое питание – обогатили ее молодое тело такими витаминами, которые вытянули ее. Поле такого отдыха папа носил исключительно туфли на каблуках и стал носить шляпу.

Семья для меня была очень важной составляющей. Если представить себя живущим на необитаемом острове, то я бы наверное не сошел с ума, но долго не протянул. Утро без каши, день без своего треугольного (почему бы и нет?) мира, теплых разговоров с мамой за чашкой каркаде, безумного разговора с папой по телефону или вечерней сказки. Невыносимо. У меня бы точно выросли крылья. Почему? Потому что я бы очень сильно хотел вернуться к родным. Отец говорит, что когда чего-то сильно хочешь, оно сбудется, пусть не

сразу, нужно иметь терпение Я бы потерпел. Дня два. Может три. Не больше.

Интересно как я жил, там, на другой планете? Я ничего не помню, но точно знаю, что мне было холодно лететь на землю. Длинная прогулка получилась, нечего сказать.

Глава 4

Как утренняя процедура может влиять на тему разговора. Сверхважная новость отца

Папа привык вставать спозаранку. Проснувшись, на цыпочках пройдя на кухню, сварить себе кофе...

Ведь папа пьет только кофе. Есть люди, которые безумно любят молоко и ничего, кроме молока не пьют. Они одержимы или у них постоянный молочный голод. Нехватка каких-то молочных клеток в организме. Вот они пьют и тем самым дополняют. Чтобы жить. Иначе вялость в теле, отсутствие аппетита и прочие неприятные симптомы. У папы так происходит с кофейным напитком. Обязательно кофе, очень важно, чтобы оно было сварено, непременно в полуторолитровой чашке. Непременно с овсяным печеньем. Я тоже люблю кофе, не до фанатизма (больше трех чашек), но могу чашки две зараз. Не такие как у папы, кофейные маленькие. Зато с печеньем могу зараз справиться. Возьму одну, задумаюсь, беру уже последнюю. А когда я взял вторую и предпоследнюю, не помню.

Так вот папаня любит сварить себе кофе, выпить его и... заняться коврами.

Папа всегда выбивал ковер. Как себя помню. Ежедневная повинность (естественно, когда глава семейства был в лоне семьи, а не частил в субтропики) осуществлялась вместе со мною, но я иногда любил поспать или посимулировать сон. Правда, пять месяцев ковер просто пылесосился, что для отца крайне недопустимо. Он считал, что без взбивания ковра, дом наполняется разными маленькими дьяволятами и чем реже ковер выносится на улицу, тем больше проблем и конфликтов. В этом он видел прямую взаимосвязь.

Сегодня ночью я действительно поздно лег, воображая наш последний с отцом разговор. Возможно с приездом отца, эти дьяволята почувствовав свою скорейшую гибель, сконцентрировали все свои злодеяния и напряженные мысли в моей комнате. Вот я и не мог уснуть.

Я оставил записку на столе. У нас дома было принято так, если есть что сказать, но не можешь – спишь, ешь, отсутствуешь, то пиши на бумаге и крепи на видное место. Я так и сделал. Оставил. «Не беспокой, папочка, я поздно л». Я специально писал только «л» в последнем слове, чтобы было понятно, что я так хотел спать, что сил дописать слово, увы, не было.

Поэтому, как только солнце выкатилось из-за горизонта, папа, со скрученными коврами и, насвистывая бардовскую мелодию про лесное солнышко, вышел во двор.

Я открыл глаза, и мне показалось, что я рыба, которую заставляют жить на суше. Так вот реальность – это была жизнь

рыбы на суше, а сон – жизнь в воде. Мне помешал уличный разговор. Окно было открыто. Мне кажется, я его закрывал на ночь. Точно, закрывал. Честное филимоновское! Так, конечно, сломанный шпингалет, некому было починить, папа только приехал. Да, эта рама когда-нибудь сослужит мне добрую службу. Я бы, наверное, еще спал, но этот дуэт громко-голосых в воскресное утро перебил приятное состояние валяния в постели. Я слышал два голоса, среди которых выделялся один – по силе мог тягаться с толпой из десяти человек и другой – не более одного. Итак, я слышал, о чем говорит папа и дядя Коля. Это были они. Мужчины говорили о молоке. Нашли тему. Не мужскую. Я понимаю, о вулканах, о строящихся домах, есть ли жизнь на других планетах (на эту тему со мной хорошо разговаривать). Или автомобилях, наконец о том, что детская площадка вымирает. Качели скрипят, смазать некому. Да и краска вся уже отлетела. А они о молоке. Как женщины. Тетушки, бабушки, на крайний случай девочки. Ну не как не мужчины. А мужики должны говорить о спорте, о боевиках, где красиво бьют, о железяках. Ну не как о молочных продуктах. Им мое мнение не мешало, и они продолжали под взбивание ковра говорить на эту странную тему. Тем более окно было открыто, и папин голос был слышен очень четко. Да и дядя Коля был не лыком шит. У него был тоже не маленький диапазон для звучания. Целая ледовая коробка, где надо уметь перекричать другого.

– Почему сгущенное дороже? – начинал сосед-хоккеист.

Не знаешь? Я тоже. Если надо, я могу и сам его сгущать. Если жена одобрит. А она обязательно одобрит. Для нее же стараюсь. Взял миксер и пара часов и готов продукт номер один.

Нужно было вставать, но утренняя лень-проказница не выпускала за пределы теплого одеяла и предупреждала о новом и неожиданном за границами кровати, за которые по ее мнению, не нужно выходить. Тебя поглотит день, и ты не успеешь очухаться, как снова плюнешься в кровать и... Вообще тогда зачем куда-то вылезать? Спи, все равно потом снова ложиться. Мысли, которые посещают девяносто процентов населения мира и сто процентов детей. Они, конечно, рассеиваются с помощью будильников и громкого ора «вставай» или мужского, я уже не знаю какого разговора о молоке. У меня не был на сегодня поставлен будильник, никто мне не будет кричать «подымайся», но разговор постепенно приподнимал мои веки и стирал грань между сном и реальностью. Я решил одеть желтые спортивные папины штаны и майку. Папе нравилось, когда я одеваю что-нибудь из его одежды. Это все равно что одеть шкуру или даже кожу другого человека. Говорят «влезть в шкуру другого» – это стать как он. А я хочу быть как отец. И мне нравится его «шкура». Я думаю, ему будет приятно. Я влез в тапочки и поплелся к окну, где происходил к тому времени затихший диспут.

Место, где обычно выбивал отец ковер, было занято неизвестным двухметровым мужчиной, который повесил на ме-

таллическую трубу не менее длинную ковровую дорожку и маленькой щеткой счищал с нее грязь, смачивая ворсовую часть щетки в маленьком красном ведерке. Отца во дворе уже не было. Дядя Коля тоже не просматривался.

Я вышел на кухню. Мама в этот момент что-то жарила на сковороде. Она стояла лицом к плите, я слышал, как пузырилось масло и заметил, что справа от нее на столе образовалась горка светло-коричневых оладьев.

У меня сразу потекли слюнки. От них шел пар и дурманящий аромат. Я не сдержался и на цыпочках прошел к столу. Раньше у меня всегда получалось. В этом было что-то шпионское и таинственное, тем более это было запрещено, а, как известно запретный плод так сладок, он напоминает вкус жареных оладьев. Правда у мамы за столько лет тоже удачно получалось ловить меня на этом. И вот, только я, схватив один оладушек, положив его в рот, а второй удерживая в руке, стал ретироваться в сторону, тут она как повернется и как посмотрит на меня таким огненным взглядом, что я ни с того ни с сего начал говорить какую-то околесицу.

– А что, папа уже справился? Справился с ковром. С ковром и двумя ковриками. С двумя ковриками я хотел помочь. Видишь, я даже папины штаны одел, чтобы он понимал, что мы одна команда.

Мама остудила свой взгляд, умерила в себе количество огня, принятого не только от моего шалопайства, но и от горячей плиты и уже спокойно, с долей иронии произнесла:

– Соль нормально?

– Нормально, – ответил я и проглотил блинчик, не успев его разжевать скорее от неожиданности, чем от испуга.

– А сахар? – продолжила мама, не останавливаясь точно как на допросе с пристрастием.

– Как всегда тютелька в тютельку, – я отступал назад, но мама продолжала буравить меня своим то загорающим, то тухнувшим взглядом.

– Тютелька сахара и тютелька соли соответствует норме?

Этот вопрос был с явным подвохом. Она хотела спросить «и это нормально, что вы, молодой человек, еще не приняв ванну, бросаетесь к столу, за который никто еще не садился».

Я не знал чем крыть. Многие дети превосходят своих родителей в умении переговариваться, но я, к сожалению, не был из их числа.

– Тебя же не убедишь. Здесь нужен папа.

– И я как в сказке уже тут! – возник на пороге папа, и мне стало так хорошо, что я тут же поцеловал маму, она зажмурилась и ослабила хватку, а я же нырнул в образовавшийся проем.

– Папаня! – воскликнул я и бросился в сторону прихожей и предстал перед отцом в воскресном прикиде, надеясь на его достойные оценки.

– Что ты делаешь со мной? Будь добр, сними это! – закричал отец. Он вытянул руку и медленно начал направлять ее на меня. Ковер в его руке напоминал оружие, а он сам был

похож на пришельца, у которого было уязвимое место, связанное с желтым цветом. – Глаза режет.

Он театрально вскинул руки, из рук выпал ковер и пакет, откуда выглядывал белый уголок бумажной упаковки.

Перед тем как собраться на кухне, для того, чтобы позавтракать – отведать запретный плод в виде блинчиков, папа решил сделать объявление. Он так и сказал:

– Я не сойду с этого места, пока не сделаю объявление!

Я стоял в прихожей и прикрывал желтые штаны, которые так нехорошо подействовали на отца. Я понимал, что это всего лишь игра, но он все делал так естественно, что я в очередной раз верил и попадался.

Даже мама вышла из кухни с лопаткой для жарки и с интересом замерла в проеме.

Отец топнул ногой, откашлялся и сказал, прямо в прихожей, поставив одну ногу на принесенный ковер, а с другой скидывая уличные туфли.

– Дорогие мои... – начал он.

– Может за столом скажешь? – пыталась вставить мама.

– Цыц, женщина, – резко сказал отец. Он поменял ногу и теперь был похож на танцора, который застыл для снимка в местную газету. – В общем так. Институт в Беркли, штате Калифорния, дает мне место в своем вузе, а также хороший дом в пригороде, еще не все, машину и знаете, я почти согласился на это.

Он открыл рот и с таким задором смотрел на нас, нервно

то ли дергая, то ли кивая головой, ожидая от нас реакции. Мы же с мамой стояли и кардинально отличались от папиного безумного состояния, похожего на дрожь тела после душа в сырой комнате.

– Почти согласился, – добавил папа, – потому что еще осталось ваше согласие. Итак? Мы переезжаем? А? Ура! Ну?

Возникла пауза. В нашей семье такого рода паузы возникали редко, а если и возникали, то за ними следовал громкий смех или «я дольше, я дольше», играя в игру-молчанку.

– А что это нельзя было за столом озвучить? – прошептала мама, выделяя каждую букву. – Обязательно из этого делать концерт с монологом Гамлета, где ответ на главный вопрос быть или не быть решать нужно нам.

– Дорогие, это же хороший шанс нам всем быть вместе, – говорил папа, разделяя с нами свое взбудораженное состояние. – Я больше не буду пропадать по полгода в экспедициях. Да если честно я сам устал от этого. Хочется семейного уюта, каждое утро нормальный завтрак, сон без боли в пояснице. Видеть как вы живете, решать проблемы, которые есть у каждого. Я, наверное, многое пропустил.

Он сложил ладони в кулаки и стал ими учащенно двигать, словно забивал невидимым молоточком гвозди-невидимки.

– Папа, – вдруг осенило меня, – но они же там говорят на другом языке. Мы их и они нас вряд ли поймут.

Папа присел на ковер, и его дрожь прошла. Казалось, что другой человек сидит на ковре-рулете, а тот, который стоял,

исчез.

– Об этом не беспокойтесь. Во-первых, там наших, то есть из самой России не так мало. Вот сколько человек в нашем доме? Примерно около пятидесяти. И там не меньше. Вот. И тем более мы не будем жить в таком доме с подъездами, лифтами, километровыми лестницами. У нас будет отдельный дом, со своим двориком. Заведем себе пса, наверное, сенбернара.

– А это кто? – с интересом спросил я.

Папа кивнул головой в знак того, что сейчас он расскажет, обязательно – он же отец, он может, и поманил рукой. Я присел на ковер.

– Такой пес. Волосатый донельзя. Его можно чесать и из его шерсти делать всякие штуки, да и варежки вязать.

– Варежки из собаки – это весело, – представил я.

– Это не только весело, но и тепло, – подбадривал меня отец.

– Пап, я хочу составить список вещей, которые я хочу с собой взять, – приступил я к следующему вопросу, который меня беспокоил относительно переезда.

Отец крепко прижал меня к себе и через мгновение ослабил хватку. Здесь главное было показать, что он рад, что я согласился с этим предложением.

– Валяй, сына.

– Так, мы еще ничего не решили, – сердито сказала мама.

Она села рядом с отцом, забыв, что у нее в руках пище-

вая лопатка – она ею водила в воздухе, словно пыталась нарисовать ответ, который у нее есть, но словами нельзя было выразить.

– Так я пошел, – шепотом произнес я, обращаясь к отцу. Я понимал, что сейчас отцу надо остаться с мамой наедине, чтобы поговорить.

– Иди, – так же тихо произнес он. Я все беру на себя.

Последние слова были адресованы мне, поэтому он сказал их беззвучно, чтобы не услышала мама. Нас уже двое, очередь за ней. Надеюсь, она поймет, что это будет правильно, если мы уедем отсюда. Как мне надоели назидательные взгляды и постоянные разговоры соседей о моем возрасте и...

– Какой мужчина, а ведет себя как мальчишка. Ему уже за тридцать, а он все с пацаньем ходит. В его возрасте детей заводят, да не одного, все имеют, с родителями не живут, а помогают им. А этот, такой большой, переросток просто бегаёт по двору и в гости заходит, чтобы поговорить. У него явно не все дома. Он разговаривает с животными. Видела, как подошел на улице к котенку и начал с ним беседовать. Мимо люди ходят, а он и внимания то не обращает. Вы помните, какой он был маленький – приветливый. Потом отправился в этот лагерь и все. Вернулся другим. Нельзя детей в лагерь отправлять. Там ничего хорошего не бывает. Все дети как дети – работают, а он не может. То ли симулянт, то ли кто? Слава богу они от нас не близко живут. А то это заразно на-

верное.

Стоп! Хватит. Все! Надо уехать, стереть из своей памяти эту черную полосу. Там будет лучше, я знаю. Там будет новый мир. Мир, в котором есть место и пониманию (хорошее слово – маленькая лошадка пони и мания), и человеческому счастью (с частью чего?) и всему тому, о чем я пока не знаю.

О чем они говорят? Какой лагерь? Это правда, был лагерь. И там были дети. Как сейчас помню. Мальчики и девочки. Да еще третья категория, которая с виду – то ли мужского, то ли женского пола. Я их называю – мальдевочки. Эта фраза тоже вписана в мою тетрадь и подчеркнута желтым цветом. В этом мире на меня смотрели и показывали пальцем, называли переростком. Конечно, я смеюсь над прозвищами и если кто-то смеется глядя на меня, то я даже радуюсь, что доставляю ему несколько приятных минут. Пусть смеются. Смех – это прекрасно. Почему же сейчас я вижу не смех, а оскал. Да, я об этом знаю. Лука рассказывал о том, что есть смех и есть оскал. Первые делают добряки, второе – нехорошие люди и собаки.

Ладно. Я не такой как все. Это ясно. У меня свой мир. Это правда. Мне говорят, что я придумал то, что прилетел с другой планеты, враки! Все мне завидуют. И я не хочу слышать о том, что я родился в роддоме. Нет, я вырос в космической капсуле. Питался там астероидами и вырос.

Потом меня подхватил корабль из Звездных воин и джедаи меня доставили на землю и отдали на попечение отцу.

Вот эта правда. Меня убеждают в обратном. Тсс, я все понимаю, но это только между нами – не все знают. Если бы все об этом знали, то набежали бы телевизионщики и мучили бы меня глупыми вопросами.

«– Сколько вам лет?

– Пятьсот».

А в лагере, когда мне было десять, меня пронзило молнией. Так говорят все. А я знаю, что примерно двадцать лет назад прилетел сюда из далекой галактики.

Я поднял упавший пакет и увидел в нем помимо двух пакетов молока свои любимые кукурузные хлопья с медом.

– Пап, можно? – шепотом произнес я. Хлопья – это была вторая страсть после манной каши.

Папа просто кивнул головой, так как мама уткнулась к нему в плечо и то ли спала, то ли ей это было так нужно для того, чтобы решить нашу общую проблему переезда.

– Как я люблю это, да все вместе, – прошептал я, прижимая пакет с хлопьями и молоком, а отец знаками показал, чтобы я шел в комнату, сейчас ему надо побыть с мамой наедине и я буду только мешать своим присутствием.

– Подожди, сейчас завтракать будем, – прошептала мама, но папа попытался вернуть ее в исходное состояние – мол, не время сейчас говорить о таких несущественных вещах. – И о пуговичках не забудь.

Мама резко встала – отец не смог ее удержать, вытерла глаза – она плакала (с вопросом):

– У меня оладьи горят. Разве никто не слышит?

– А они когда горят, кричат – мы горим, мы горим? – প্রশেপতাল отец, немного раздосадованный тем, что была нарушена такая идиллия.

Однако с кухни пахло горелым. Мама умчалась на кухню, успев на ходу спросить меня:

– Ты кровать убрал?

Этим она хотела показать, что пока еще ничего не решила, и ее волнуют скорее проблемы местного порядка, чем калифорнийские.

– Нет, я еще не убрал, – ответил я, и продолжал медленно направляться в сторону своей комнаты. – Но собираюсь это сделать в течение пятнадцати минут.

Теперь ее мысли занимали сгоревшие оладьи и незаправленная кровать. Я убежал в комнату, чтобы заправить постель, похрустеть хлопьями с молоком, но самое главное – написать список. И как это отец мог терпеть вчера целый световой день и даже ночь, чтобы сказать нам об этом. Его что утреннее выбивание ковра простимулировало или сосед Коля?

Я несколько раз бегал из своей комнаты на кухню – за тарелкой, за ложкой и, наконец, оказался перед тарелкой молока, в которую я должен был насыпать хлопьев. Все делали наоборот – сначала хлопья, потом молоко. Я любил иначе.

Мне удалось подслушать разговор родителей. Я предпочитаю получать информацию из первых уст, не дожидаясь

пока информация домчится до меня телеграфом.

– Там таких специалистов как ты, днем с огнем не отыщешь. Да тебя с руками оторвут, – говорил папа. Он даже не уговаривал, а просто делился новостями.

– Не надо меня калечить, – парировала мама, но она это делала скорее от того осадка, который образовался в результате последней новости. Осадок постепенно рассеивался.

– Не буду, и они не будут. Они просто будут платить доллары и оплата по их меркам раза в четыре больше... и это только поначалу.

Ладно, папа умеет уговаривать маму. Не надо ему главное мешать. Я вернулся в комнату, взял бумажный пакет, разорвал основание по верху и начал сыпать в тарелку. Образовался небольшой холмик из темно-желтых пшеничных хлопьев, я налил молока из треугольного пакета, грустно посмотрел на пуговички и торпеды, взял ложку, немного размешал и стал делать первые шаги к насыщению.

– Как вкусно, – услышал я.

Глава 5

Кто такой театр и почему отключается электричество

Я люблю театр с позиции ребенка. А что такое театр с позиции ребенка? Это, во-первых, удивление. Удивление всему происходящему. Во-вторых, возможность уйти от реальности.

Когда я впервые услышал это слово «театр», оно мне показалось непонятным. Тогда я спросил отца, а что такое этот «театр». Папа встал посреди комнаты, надел на голову майку, которая была нем, опустил голову и другим голосом забурчал «Король орел, орел король». После этого начал ходить как динозавр. Он шел на меня и издавал какие-то звуки попеременно со скороговоркой. У него получалось так «Каруля-я-ял, а-а-ал ка-а-ал». У отца получилось так реалистично и я поверил так, что спрятал голову под подушку и попросил отца остановиться. Мама же игриво пошлепала отца и отправила провинившегося в угол. Тот, опустив голову, и в позе удрученного динозавра отправился за дверь, где располагался один из четырех углов комнаты. Простояв там секунд десять-пятнадцать, он бесшумно вышел, на цыпочках, подошел ко мне, положил голову на колени и замяукал, видимо для того, чтобы я его простил. В тот момент я очень

верил и не мог не простить. Еще в тот день отключили электричество во всем доме.

Итак, что у нас получается. Сначала папины метаморфозы, потом мамино воспитание и, наконец, выключенный свет. Вот ты оказывается какой театр думал я, будучи ребенком до десяти лет. И полюбил именно такой театр, папин. Возможно, мамин. Но чаще, отцовский.

Глава 6

Явление чуда в перьях. Почему он прилетел без предупреждения

– Да, это точно, – вкушая первую ложку, как обычно, самую вкусную, повторил я.

– Точно, – вторил голос.

Что это? Откуда это «точно»? Я поперхнулся молоком, бросив ложку в сторону, словно это она была источником того голоса.

– Кто это? – громко сказал я, внушая силой голоса страх невидимому противнику. – Кто это сказал? Выходи.

Я вытянул перед собой кулаки, ожидая нападения. У меня было такое разъяренное лицо и то, что по губам стекали капли молока и рот был забит хлопьями только придавали ему большее злодейство. Но штурма не последовало. Я оглянулся по сторонам, увидел открытое окно...

– Ах, – облегченно вздохнул я. – Опять эти звуки с улицы. Окнозвучие, которое принес ветродур (он же ветродуй, он же лохматый ящур). Надо просто закрыть окно. Тогда все постороннее исчезнет. Оп-ля.

Я подошел к окну и закрыл его, тяжело вздохнув о сло-манном шпингалете и как только сел на свою все еще незаправленную постель, как тут же вскочил, как подорванный

от визга и непонятного скрипа. Постороннее не исчезло. Оно (существо или же домашний грызун) было на кровати под покрывалом и беспокойно двигалось.

– Вот тебя сейчас..., – вскрикнул я, сгреб красное с ромбиками покрывало, не оставив проема для побега. Послышалось знакомое звучание, напоминающее... мяукание.

– Патриция, ты как здесь? – засмеялся я, освободив пушистое создание, любимца нашего дома. Кошка испугалась и хотела бежать – «зашла чтобы поздороваться, а тебя чуть не задушили, милое дело». Но я ее удержал и точечными движениями – шея, спина и ни в коем случае не хвост погладил. Она успокоилась и устроилась у меня на коленях. – Наверное, молоко учуяла. Вот ты меня напугала. Я уже заикаиться начал.

Хвостатая смотрела на меня и думала «когда же он меня напоит молочком, как ему еще намекнуть на это?».

– Видали недотепу! – догадался, приласкал кошку, от чего она изогнулась прямо, как пантера – красиво и грациозно, и взял пакет. Только я хотел откусить кончик упаковки (так я обычно открываю – быстро и удобно), чтобы налить молока в другую тарелку (там были чипсы недельной давности, но их я выкинул в окно – настал момент), как внезапно послышался знакомый звук, отнюдь не мяуканье.

– Па-па-три-три-ция – это ты? – заволновался я. Надеюсь, это не навсегда (заикание, имел ввиду).

Это была не она, это точно. Кошка зашипела и вырвалась

из моих рук, прыгнула на пол, лапой открыла дверь (она умела открывать все, даже холодильник, что не очень хорошо) и выбежала. Я остался один на один со звуком, который нарастал и становился противным, как дребезжание сверла за стеной ночью.

Я осторожно посмотрел на кровать, где... ой, не могу... это о-очень стра-стра-шно. Одеяло резко дернулась, и чтобы вы думали стало подниматься (просто невероятно) к самому потолку. Я что сплю? Я потер кулачками глаза, похлопал себя не только по щекам, но и по коленям и по животу и даже ущипнул себя вращательным болевым щипом (щипком или можно сказать ручным укусом) и надеялся, что эти незатейливые упражнения мне помогут избавиться от фантомных звуков и видений.

Но то, что я увидел натолкнуло меня на мысль, что я наверное схожу с ума. Если не сплю, тогда точно помешательство. Другого не дано.

Одеяло светилось! Это нормально? Что-то было внутри одеяла. Оно летало или возможно горело? Правда, паленым не пахло, но сердце мое билось так сильно, что я подрагивал от его усиленной работы. Я открыл рот и попытался произнести свои мысли вслух, но меня словно отключили от микрофона. Я бессмысленно двигал губами, ноги не двигались. Единственное, что мне оставалось сделать, это наблюдать за световым шоу, которое происходило над моей кроватью. Наконец, собрав волю в кулак, я смог произнести что-то чле-

нораздельное:

– Что это? – что есть мочи закричал я. Мне казалось, что мой мозг взорвется от скопившегося напряжения. – Кто это все вытворяет?

Действительно кто это может быть? Крохотное существо? Станный человечек? Пришелец с другой планеты? Я его знаю? За мной? Или просто? Вопросы конвейерной лентой приходили в голову и не дожидаясь ответа, предлагали следующий вопрос. Мне стало страшно. Я зажмурил глаза и, наверное, вобрал в это зажмуривание всю силу, которая была во мне.

– Не может этого быть! – дрожащим голосом вымолвил я, когда открыл глаза. Я не мог молчать, но мои связки (связывающие рот-инструмент с грудной подушкой – для усиления звука) образовали в горле толстую стенку, деформирующая мой голос в совершенно незнакомый.

Одеяло увеличилось до размера холодильника и свет, который проникал сквозь бельевую ткань, придавал ему форму желтка или солнца. А что если пока было открыто окно, в комнату влетел огненный шар и теперь жди взрыва – он может взорваться в любую минуту? Но на небе ни облачка – после вчерашней непогоды небо очистилось и отдыхало от бурных красок.

На всякий случай я залез под кровать, где мне, казалось, можно было укрыться на какое-то время. За это время и голос появится. Во всяком случае, я надеюсь. Ничего, отсюда

докричусь до папы или мамы. Не докричусь, так достучусь. А если родители тоже на мушке у этих шаров? Надо спуститься через окно к соседям на балкон. Ближайший – дяди Колин. Неудобно, а что делать? А что если наш дом весь захвачен, что тогда? Дядя Коля сейчас сам прячется под кроватью, над его кроватью тоже огненный валун и он, сидя под кроватью с Надеждой Викторовной, думают просить помощи у нас. Я же не знаю, как все дело-то обстоит. Мне никто не докладывает.

– Папа, – еле слышно произнес я. – Мама! Связки образовали в горле большой тромб, который мешал прорваться моему не такому уж и тихому тембру.

Под одеялом что-то треснуло и то, что там находилось, стало переходить то в одну, то в другую сторону. Я почувствовал себя зрителем на очень реалистичном спектакле. Горка стоявших плашмя книг стала значительно меньше и, запутавшись в проводке от лампы, окутанное в одеяло существо дернулось вверх, ударилось об потолок, что привело к более хаотичным перемещениям. Натыкаясь на большой скорости на все, что ни попадя – торшер, дверца шкафа, люстра обтянутое одеялом, как я уже понял летающее создание, издавало странный звук, похожий на крик. Оно явно не хотело, чтобы его трясло. Наконец, оно решило вылететь на улицу, но его остановило стекло, которое было прочнее его прыти. Суетливый персонаж ударился о прозрачное образование, и упал на пол, продолжая подергиваться после резких движений по комнате.

К этому моменту я уже вылез из-под кровати. Мне было страшно, но в руке у меня была бита, которую я обнаружил в том самом месте, в котором провел последние пять минут. С дрожащими руками, я подошел к тому, что еще мгновение назад пыталось перевернуть мою комнату, задел это ногой и, заикаясь, спросил:

– А-а-а т-ты кт-то?

– И что? По-твоему это красиво? – раздался голос из-под одеяла. Это был голос ни детский и не взрослый. Такой средний голос, не совсем характеризующий обладателя.

– Чего? – спросил я и ждал, когда моему взору предстанет венец волнений.

Из под края одеяла показалась мохнатая рука, затем вторая и наконец я увидел существо, которое напоминало мне персонажа из комиксов (современных сказок) и в то же время наших питомцев на этаже, где попадались редкие экземпляры. Оно имело большую голову, длинный клюв и отдаленно напоминало птицу, только крылья оставались руками и лишь густые ворсинки на них придавали им форму крыльев. У существа был такой большой живот, что мне показалось, что живот был едва ли не в два раза больше головы. У него было две ноги с пятью пальцами, как у человека. И самое странное, что оно было в синем комбинезоне, которые обычно бывают у сборщиков мусора.

– Эй, эй, – возмутилось существо. – Полегче, не третий сорт грузим.

Какой странный сленг. Сперва я подумал, что он набрался у морских «волков». (Мне всегда было интересно есть ли морские зайцы, например или тигры? Почему только волки? Если бы это незнайка слушал морских зайцев или лосей, то наверное говорил повежливее)

– Ага, – машинально ответил я и отошел сразу на три шага к двери, чтобы если что, открыть дверь и крикнуть родителям. В голове у меня рождались длинные предложения (которые не могли произвестись – они были созданы для внутреннего диалога), но мой язык выдавал очень скудные фразы, согласно своему со мной не согласованному тарифу.

– Дурак, что ли? – оценил произнесенное мной слово визитер в перьях.

Он приподнялся и сел на одну из книг, раскиданных по комнате. Этой книгой оказалось «Кентервильское привидение».

– Да, – снова подвел меня язык, рождая не совсем то, что я хочу. – То есть, нет.

– Так да или нет? – с интересом спросило странное существо. – Если да, то мне следует тебя опасаться. Скорее да, ты же меня ногой...

В дверь забарабанили. Она что была закрытой? Я и забыл о том, что сам это сделал, чтобы избавиться от докучаний родителей по поводу уборки кровати и завтрака на кухне. Патриция? Как же она вышла, если было заперто? «У нее свои ключи» звучит нелепо. Наверное, дверь захлопнулась.

Как я этого не услышал. Да разве до этого было?

– Сына, ты чего там? – услышал я обеспокоенный голос отца. – Почему закрылся? Все нормально?

У меня было желание распахнуть дверь и рассказать все отцу, маме, друзьям, двору, всему миру – о том, что произошло, что я испытал и возложить ответственность за этого пришельца на них тоже, не одному же мне с ним бороться. Вроде просто – до двери всего один шаг и сейчас я его сделаю. Сейчас, сейчас. Пока я решался на это, пернатое существо меня опередило и совершенно неожиданно поднялось над кроватью, уже без одеяла и спокойно как в замедленной съемке опустилось перед дверью. И теперь, чтобы открыть дверь, мне нужно было отодвинуть это создание размером с кабанчика, не меньше.

Я махнул рукой, призывая стоящую плотину прорваться. Плотина в лице пернатого индивидуума вытянуло шею так, чтобы я смог посмотреть ему прямо в глаза.

Я и не заметил с первого взгляда его больших глаз. Такие жалостливые, такие грустные. Где-то я уже такие видел. Только не помню где.

– Да нет, папа. Все в порядке, – диктовала моя добрая душа.

– Если все в порядке, что это был за грохот? – не унимался отец. – Устраиваешь индейские бои? И это без меня? Мама отправила меня на разведку. Говорит, вдруг ты там взрывчатку изобретаешь. Но знаешь ли ты формулу? Наверное,

нет. А я знаю. Предлагаю вместо взрывчатки изобрести фейерверк.

Папа тараторил за дверью, а я думал. Пришелец – это точно. И я тоже. Как же ему раскрыть все карты? Или не нужно этого делать? Хорошо, что он говорит. На птичьем языке я еще пока не научился. Знаю, что все инопланетяне обладают способностями к нескольким языкам. Я пока знаю два. Человечий, кошачий. А что если я его не буду понимать, а... нет, конечно же буду. Это все благодаря внутреннему устройству – оно преобразует голос птичий в голос человеческий. Наверняка! Но что я должен сделать? Сперва защитить его. Ведь он тоже как и я прилетел сюда. У меня есть папа, мама, потом появились Лука – дядя Коля – соседи и комната, а у него никого, ни единой души. И тут я вспомнил этот назойливый взгляд. Взгляд, с которым мне часто приходится встречаться. Утром, вечером, после душа. Это был мой взгляд. Пусть не один к одному, но также моргали ресницы и становились мокрыми уже через мгновение из-за того, что глаза замирали и забывали моргнуть, такой же профиль глаз, напоминающий яблочное семечко.

– Нет, папа, это видимо с улицы, – воскликнул я. – Мусоровозка приезжала.

– Да? – разочарованно спросил отец. – Ну, ладно. Жду тебя на кухне за поеданием дынного десерта. Торопись, иначе не достанется. Скажу по секрету, разговор с мамой прошел на редкость удачно. Теперь она меня торопит. Спрашивает,

когда наш самолет? Ух, сына.

Папа ушел на кухню, напевая новогоднюю песню. Он не думал о том, что нынче актуально, а что нет. Он просто пел, что упадет в душу. В душу запала хоровая, и он один за весь хор, тянул строчку в коридоре, разделяющим мою комнату и кухню.

– Уф, слава богу, – выдохнул я и сев на кровать, отпил содержимое тарелки. В комнате стоял страшный беспорядок, на полу валялись хлопья, а также груда бумаг, взвившиеся под потолок после фокусов нежданного гостя.

– Я молоко люблю, – услышал я.

Пернатый отошел от двери, давая понять, что препона снята. Он встал около окна и вновь посмотрел на меня. Он сменил свою жалостливый взгляд на новый, обозначающий то ли удивление, то ли боль.

– Чего, простите? – еле слышно произнес я.

– Молоко я люблю, чего не слышишь, тетеря, – прохрипел он.

Он вновь стал агрессивным. Это немного пугало. Не было понятно, то ли это был случайный или же закономерный случай.

– Кого? – спросил я скорее потому, что имел ввиду «кто ему нужен, кого он пришел навестить, мы его не ждали, я точно». Мой язык снова не совсем совладал с длинными предложениями.

– Чего кого? – спросило существо, присело на ковер и ста-

ло очищать свои перья клювом так, как это делает обычная птица, которая села на ветку дерева и чистит перья после долгого перелета.

– А ты вообще кто? – не удержавшись, спросил я.

Пернатый не был похож на простую птицу из ныне существующих – это понятно, но и с человеком у него было тоже мало сходства, разве что речь и конечности. Но этого мало. Вроде все на месте, но для птицы – много лишнего, а для человека – недостает. Пусть даже и тот факт, что я догадывался, кто он есть. Но сразу выдавать это я не решался, боясь ошибиться.

– Я то? – с гордостью сказал мой неожиданный посетитель. Он надул грудь так, что стала походить на живот – они даже стали сливаться и образовали один большой шар. – Вообще это очень длинная история.

– То есть для того, чтобы сказать, кто ты, нужно долго рассказывать не понимаю, – сказал я с удивлением приподняв брови.

– Чего ты снова не понимаешь? – нервно сказал он и щелкнул пальцами. Интересно как это у него получилось. Разве возможно это сделать крыльями? Хотя да, это же только видимость крыльев, а на самом деле у него наравне с перьями пальцы. – И вообще, когда я произнес, что молоко люблю, ты чего как тютя сидел?

– А что? – произнес я, не ожидая такой прыти. Он разговаривал со мной как старый знакомый или приятель, загля-

нувший на огонек.

– Вот непонятливый! – в очередной раз щелкнул пальцами гость с таким звуком, словно в этом процессе участвовала вся костная система. – Надо было предложить мне. Я и молоко понятия совместимые. Понятно, тютя? Много я видел тютя, но таких...

– Так ты кто? – сделал я вторую попытку.

Пернатый тяжело вздохнул, посмотрел на меня, состряпал на лице свою маску жалости и сострадания и промолвил:

– Я же говорю длинная история.

– Ничего, никто никуда не летит, – нашелся я.

– Вот тут ты ошибаешься, тютя. Я постоянно куда-нибудь лечу, куда-нибудь еду.

Он сделал несколько взмахов «крыльями», словно хотел показать, что в отличие от меня постоянно куда-то летает, и разве я не вижу – только что совершил посадку после длительного перелета. В этом я не сомневался, меня интересовали более тонкие детали.

– Куда едешь? – спросил я.

– Сегодня сюда, завтра может быть на другой континент, – лениво ответил пернатый. В этом он походил на моего отца, для которого сделать оборот вокруг земли было заурядным делом.

– Так кто же ты? – продолжал я выпытывать у него его сомнительную личность.

Он вновь надул грудь и щелкнул одновременно пальцами

двух «рук». Казалось, что он танцует свой ритуальный танец.

– Ты, правда, хочешь это знать, тютя?

– Да не зови ты меня тютей, – пузырился я, не заметив как вокруг губ образуется стекающая слюна. – У меня имя есть.

Есть чему возмутиться. Непонятно вообще кто врывается ко мне в комнату угрожающе называет меня дворовой птицей. Мордоплюйство какое-то.

– Да? – вполголоса сказал гость. – А я думал ты тютя.

Тут я не выдержал. Да, я уже был на взводе, и по мне просто нужно было прочувствовать эту «птицу» как надлежит.

– Ты что издеваешься? – атаковал я, брызгая слюной.

Видимо мое фонтанирование подействовало на пернатого, он отошел к окну, протер крылом свой нос и произнес уязвимым голосом:

– Да и нет.

– Так, все! – громко сказал я (хорошо что заикание отлипло от меня, а то бы это мне помешало). – Теперь я буду командовать парадом.

– Да и нет, – повторил он. Он как-будто играл со мной. Игры я люблю, но сейчас...

– Так вот зовут меня Филимон, запомни, и никакая я не тютя! – сказал я как никогда уверенно.

– Хорошо, Филимон, – добродушно сказал атакованный. Когда он успел сменить гнев на милость? Наверное, мой голос на него так подействовал.

– Будем знакомы. Меня зовут Молокосос.

– Почему Моло...

Не успел я до конца произнести фразу, как клюв у существа вытянулся где-то на полметра и, погрузив оный в тарелку с молоком, опустошил как коктейль из соломки.

– Ах, вот почему, – с улыбкой сказал я, и вся моя запальчивость прошла, глядя на это беззащитное голодное существо, очень напоминающее ребенка.

– Да, Фил, – отреагировал он. – От тебя ничего не скроешь?

В этот момент резко открылось окно. Вверх взметнулись занавески и вслед за ними мои рисунки, на которых были изображены ковбои в автомобилях и метеоритные дожди. Видимо я не плотно закрыл окно плюс очередные выкрутасы со сломанным шпингалетом. Я быстро дернулся в сторону окна и захлопнул его, провернув все щеколды. С одной щеколды даже штукатурка посыпалась.

Повернувшись, я не увидел моего гостя. На кровати и в пространстве комнаты я его не наблюдал. Я посмотрел в шкаф среди висевших пижам и рубашек и не нашел ничего, разве что много пыли от которой я едва не чихнул. Молоко-соса нигде не было видно. Он мог выйти и попасться на глаза родителям – вот чего я больше всего боялся.

– Мы что играем во что-то? – закричал я не своим голосом от очередной порции дегтя в бочку меда.

Какая оплошность! Последствия могут самыми необратимыми. Нечего говорить, они испугаются, что очевидно, но

вряд ли будут топтаться на месте как я. Они зазвонят во все колокола и тогда придет спасение на веки вечные, например в магазине рядом с курочками, висящими без перьев.

– Молокосос?! Откликнись! – безостановочно повторял я, не совсем понимая что мною руководит.

Его заберут в научно-исследовательский центр, и будут проводить бесчисленные опыты, в результате которых он вряд ли выживет. Ведь ученым наплевать на то, что он живое существо. Для них важен сам эксперимент. Я избежал этого. Но если его могут, то могут же и меня. Запросто.

– Ты где, Молокососик? – пронзительно вырвалось из моих уст. – Ну, пожалуйста, тебе лучше оставаться здесь.

Неожиданно под кроватью послышалось чавкание. Скорее даже это был не звук обычного тривиального чавкания, а скрежет лязгающих челюстей, которые могут издавать разве что тигры или другие крупные животные. Я опасливо наклонился и увидел, что Молокосос мирно ест кукурузные хлопья, разве что очень небрежно.

– Я так заикую останусь, – произнес я. Ты это что?

– А что? – вопрошал пернатый, продолжая уничтожать молочные к тому времени размягченные хлопья. – Я сколько раз тебе говорил, что есть хочу. А ты, тютя, извини, Фил, как будто меня не слышишь. Вот я и решил проявить инициативу.

Он вылез из-под кровати и присел на полу, не отрываясь от полупустой тарелки.

– Молодец, – похвалил я его тем самым показывая, что был действительно не прав.

– Знаю, – уверенным голосом сказал Молокосос и снова округлился в районе груди.

Но на правах старшего или головы комнаты, который имеет право не только хвалить, но и ругать, я произнес:

– Я тебе говорю, что чуть заикой от твоих фокусов не сделался, а тебе нормально. Хлопья трескают. Вери гуд.

Bon appetit! – отчетливо произнес визитер и почтенно кивнул головой.

– Что? – не ожидал я.

– То, что ты, наверное, хотел мне пожелать приятного аппетита. – разъяснил Молокосос. – Так вот. *Bon appetit!*

– Приятного, – послушно повторил я. Он знает заморские языки, следовательно он действительно – пришелец. Приметы сходятся.

Он вытянулся в струнку придав уверенность своему внешнему виду, я же стоял, опустив плечи, сутулясь, создав противоположный ему образ мнительного человека.

– Спасибо, – процедил сквозь забитый клюв пернатый. – Да и второе, не волнуйся про заикание. У нас это воспринимается как преимущество.

– У вас? – резко спросил я. – Так откуда же ты?

Молокосос продолжал уплетать содержимое тарелки. Она быстро опустела, он взял бумажный пакет и насыпал вторую порцию. Я ждал ответа. Он налил в тарелку, покрытую двой-

ным слоем хлопьев, молока и расположившись подле нее, посмотрел на меня:

– Так слишком много вопросов.

Разве много? Всего один.

– Если ты мне сейчас не откроешь глаза...

– Ты хочешь, чтобы я тебе открыл глаза? – перебил Молокосос. – Они же итак у тебя открыты.

– Мне что пойти за папой или за мамой. – не выдержал я. Конечно я блефовал. Я не пошел бы за родителями, просто он был неуправляем, а этот факт наверняка подействует на него. Я был прав.

Молокосос оторвался от тарелки. Если до этого он отвечал на мои вопросы вприкуску с пищей, не напрягаясь, то сейчас он подошел вплотную ко мне, откашлялся, сложил крылья домиком и очень дипломатично начал говорить:

– Слушай, Фил. Мы же с тобой взрослые и нам не нужны ничьи советы.

Ну что ты ждешь от своих родителей? Понимания? Ты еще очень мал, как я погляжу?

Откуда у него такие сведения. По внешности я явно не походил на подростка. Может быть он знает тех, кто... Не смотря на ход моих мыслей, молокосос продолжал:

– ... И отдав меня на суд твоих родителей, ты совершишь большой грех.

Ой, большую глупость совершишь. Другое дело если я сам к ним выйду.

А так, ничего не получится. Ведь, как только они войдут, я снова стану глиняной фигуркой. Ой... проболтал.

Вот оно что! И действительно, на том месте, где стоял глиняный бог, был только небольшой след и не более того. Самой фигурки не было.

– Так ты значит тот самый глиняный боженька, который может ответить на все вопросы? – спросил я, приседая на колени.

– Ну, на все не на все, – заикаясь ответил Молокосос, – но в принципе, если что-то нужно узнать, то далеко ходить не надо, я же здесь...

Как это здорово. Значит то, о чем отец говорил не бред сивой кобылы (про сивую кобылу я услышал от тети Нади, когда она ругала дядю Колю за то, что тот говорил ей про хоккей, как о лучшем изобретении человечества). Правда, он сказал все возможности фигурка проявляет ночью. Ночь вроде прошла спокойно. Я, во всяком случае, никаких посторонних звуков не слышал.

– Да, но как ты... вдруг, – недоуменно сказал я. – Раз и все. Не понимаю.

Молокосос ткнул пальцем в мою грудь, которая теперь располагалась на одном уровне с ним.

– Так ты же меня вызвал.

– Я? Да нет вроде. Я не вызывал.

Я опешил. Что он имеет в виду?

– Да нет же, – настаивал он, продолжая тыкать в мою

грудь, и иногда попадая в живот своими большими пальцами в перьях. – Именно ты меня и вызывал.

Какой он настойчивый. Твердокаменный даже.

– Я бы, наверное, помнил об этом, – повышая голос, говорил я.

– А кто молоко приволок в комнату и стал на моих глазах хлопьями засыпать? – парировал Молокосос, загибая пальцы по количеству моих промахов.

– А что разве это как-то повлияло на развитие событий? – удивился я.

– Еще как, Фил! Да разве так можно со мной поступать? Отвечаю нельзя! У меня от этого перелета, пока летел с твоим отцом в самолете, от голода так урчало, что пару раз отец обращался к стюардам, чтобы они передали пилотам о неисправностях в двигателе. А он все пьет виноградный сок и пьет. Ему же вождь племени Харида четко сказал «Блап ка-пров воста. Семинутка камин нерта».

– Чего? – не понял я, но этот язык мне показался знакомым.

Пернатый вскочил и еще мгновение, как мне показалось, он снова будет кружиться по комнате, как при первом знакомстве и крушить то, что еще не было сокрушенным.

– Да то, что поить меня надо молоком дважды в день, иначе пропадет моя сила, – прошептал он, словно это была тайна, которую он доверяет только мне. – Не хочется с голодухи пропеть лебединую песнь.

– Какую песнь? – в очередной раз не понял я.

– Лебединую, то есть свою птичью молокососную, – разъяснил он, высматривая последнюю оставшуюся каплю в пустой тарелке, наклонив ее на 90 градусов, выжидая пока та скатится прямо в открытый клюв.

– А папа про другое говорил, – вспомнил я, пытаясь прояснить ситуацию.

– Правильно, – кивал головой пернатый, заставляя меня уворачиваться от его острого клюва, который вроде бы не был так опасен, но все равно внушал страх, как копье, кинжал или рапира. – Твой папа тот еще ученый. В племени Харида свой язык. Твой отец не знает этого языка, но знаком с диалектом племени Ванато, расположенный на юго-западе острова, который очень похож на язык племени Хариды. Вот только одна беда, эта похожесть скорее нарочитая.

– Какая? – рефлексивно спросил я, приближаясь к разгадке.

– Она была изобретена нарочно, – икнув дважды произнес Молокосос. – Для того, чтобы отпугнуть неприятеля. Чтобы запутать следы шпиона. Много приходят людей с внешнего мира и пытаются помешать мирному течению жизни племени. Они думают, что, научив их разжигать огонь спичками, они окажут добрую услугу, а на самом деле вносят неразбериху и много ненужной суеты.

Я начал понимать происходящее. Я смотрел на существо, которое назвало себя Молокососом, теперь с большим инте-

ресом. Наверное, так, как смотрит ребенок на котенка в первый день появления в доме. Только это было больше чем котенок.

– То есть ты хочешь сказать, что папа, думая, что понимает этот язык, на самом деле не понимал и думал о другом, когда разговаривал с вождем, – догадался я.

– Ты оказывается не такой дурачок, как мне сперва показалось, – удовлетворенно сказал пернатый и захлопал в свои пернатые ладоши.

– Да, но для чего ты здесь? – любопытствовал я. У меня было очень много вопросов. Точнее один вытекал из другого. – Для чего вождь отдал тебя моему отцу? Почему именно мой отец и, наконец, я?

– Ты задаешь очень много вопросов для своих лет, – охладил он, безмятежный и уравновешенный меня разгоряченного и заведенного не на шутку. – И вообще молоко уже кончилось, а вопросы все труднее и труднее. Принес бы ты парочку пакетиков.

Нормально. Что он себе позволяет? Сейчас я выгоню его взащей, будет знать. Пусть скворечники околачивает. Молока ему мало. Что еще?

Может быть, кровать освободить, чтобы он поспал после долгого перелета. Или комнату? Так, спокойно. Это все эмоции. Мне нужно узнать от него всю информацию. А если я буду кипятиться, тогда ничего не разведу.

– Как относишься к сгущенке? – извлек я из себя голос

добротого дяди, продающего воздушные шарики детям.

– Сгущенка? – обрадовался Молокосос, но решил пококетничать – А, это тоже молоко, только густое и сладкое. Ну что ж. Если есть сгущенное, не стесняйся, носи.

– Только веди себя хорошо, – поставил я условие перед тем как отправиться на кухню. – А то папа начал что-то подзревать.

– Не волнуйтесь, на борту отличная погода, – ликовал пернатый. – Ветер умеренный, осадков не ожидается.

Молокосос переместился с пола на подоконник, захватив с собой две книги, подложив под себя одну толстую, а другую взяв в руки.

– От-цы и де-ти? – прочитал он. А где же мамы? И что? Ты это читаешь?

– Да, а что? – резко сказал я, и выхватил у него книгу. Мне никогда не нравилось, когда трогают мои вещи, в том числе и книги, которые я читаю.

– И после этого люди удивляются, почему дети такие образованные, – учительским тоном произнес пернатый, водя по воздуху клювом как указкой. – Как рваные башмаки. Читают всякую ерунду.

– А что, по-твоему, надо читать? – поинтересовался я.

– Комиксы, – резво сказал он и стал водить клювом по стеклу, вырисовывая какие-то знаки. – И только цветные. От черно-белых развивается дальтонизм.

– Чего? – не понял я.

– Дальтонизм, – сказал Молокосос, к тому времени закончив свое полотно на оконной раме. – Начинаешь все видеть в черно-белом цвете.

На стекле был изображен ряд кресел, в которых сидели люди. Полный мужчина читал газету, бабушка вязала шарф, ребенок пил из большой бутылки газированную воду. Я догадался. Это же тот самый салон самолета, в котором он летел.

– Не светись в окне, – резко сказал я так, что Молокосос съехал подоконника и с грохотом плюхнулся на пол.

– Ты что делаешь? – недовольно пробурчал он.

– Заметят тебя, потом долго объяснять кто ты и что ты, – разъяснил я.

– Ладно, ладно, суетливый, – со вздохом произнес Молокосос.

Я вышел из комнаты и не спеша пошел на кухню, получив перед этим ворох информации:

– Только молоко не забудь. И сгущенку. Чтобы унести какую-нибудь корзину возьми, больше уместится.

Родители сидели на кухне с большим куском обоев и одержимо рисовали свою заграничную жизнь. В основном рисовал отец – у него был опыт чертежника, а мама подсказывала ему каждый шаг для воплощения:

– Вот это наш дом. Он будет не такой большой, как у короля поп-музыки Майкла Джексона, но и не маленький. Извивающиеся лестницы, ведущие от комнаты в комнату. Объя-

зательно выход на крышу, на которой будет смотровая площадка с телескопом. Можно будет наблюдать за соседями. И желательно хороший объектив. Тут не главное звезды, главное – фокус. Все объекты должны быть в фокусе. А двор. Там обязательно должно поместиться хотя бы одно чудо света. А что если нам сделать миниатюрные экспозиции? Можно будет фотографироваться около каждого и говорить о том, что мы там побывали. Хотя мы итак там побываем. Главное, другое. Кто будет охранять наше жилище? Конечно, пес. Я предлагаю взять щенка из клуба собаководства Дель Мар. Это же один из самых известных клубов.

Папа в основном хмыкал и старательно вырисовывал заборчик, конуру для собаки и фонтанчик, в центре которого он хотел поместить жар-птицу.

– Ты что, дорогой? – заливалась мама. – Какая жар-птица? К нам же гости будут ходить. Тут надо херувимчика или херувимчиков. А ты, жар-птицу.

– Так что-то же надо свое, русское, исконное, – отстаивал свое предложение отец. – Вот я и подумал. Не зайца же с балалайкой.

– Эх, ты со своими экспедициями совсем отстал, – смеялась до слез мама. – Не зайца, это точно. Ничего, у тебя есть я, самая умная и красивая в мире женщина.

Никогда не видел маму такой. Глаза у нее светились, как отшлифованные алмазы и количество жестов руками было неимоверно.

Я зашуршал тапочками, чтобы не смущать их, но они не смущались, правда заметив мое появление, повернулись в мою сторону.

– Сына, а ты бы, что хотел в центр фонтана? – спросил меня отец. Видимо он хотел, чтобы я его поддержал, но голова моя занимала другие мысли.

– Молокососа, – внезапно сказал я.

– Кого? – хором произнесли родители.

– Так никого, – замявшись ответил я. – Это я так. Молока захотелось Можно я еще возьму?

– Конечно, – хором произнесли родители, а мама добавила, – Десерт не забудь.

Захватив с собой помимо двух пакетов молока, банку сгущенки и открывалку, я торопливо пошел в комнату.

– Сына, – остановил меня голос отца.

Мне показалось, что отец что-то начал подозревать. У меня в очередной за сегодняшний день пробежал холодок по спине (и сделал кувырок и тройное сальто-мортале), на лбу выступили капли пота.

– Да, папа.

Он подошел ко мне вплотную, обнял за плечи и прошептал вполголоса:

– Мне нужен твой совет по поводу Патриции. Есть два варианта – оставляем ее здесь либо везем. Но боюсь, что возникнут сложности при переезде. Решает голосованием. Мама – за то, чтобы оставить, я – взять. Твой голос все решит.

Отец как-то очень ехидно посмотрел на маму, потом хлопнул меня по плечу и рассмеялся так громко, надеясь, что я его поддержу. Обычно я его поддерживал. Сейчас у меня крутилась только одна мысль в голове: как пронести все молочное содержимое в руках в свою комнату. Поэтому я слегка улыбнулся и произнес:

– Нет проблем, папа. С меня голос.

Я пошел по касательной и двигаясь вплотную к самой стенке в коридоре, оставил обескураженного отца, который явно намеревался посмеяться в два голоса, но к своему разочарованию довольствовался сольным смехом.

– Оре ву ар, сына.

– Ты комнату убрал? – вступила со своей партией мама. – Сейчас мы с отцом придем и проверим.

Она была недовольна, что я не был на ее стороне.

По спине забегали мурашки. Да и холодок не отставал, продолжал беспокоить мою спину. Моя комната. После выкрутасов молокососа комнату убирать и чистить не менее полудня. Как же я смогу объяснить, что у меня там произошло. Ни в коем случае нельзя допускать туда родителей. Во всяком случае, сейчас.

– Нет, еще, – сконфуженно проговорил я. – Я только собирался. Я решил ее капитально перевернуть, вдруг, что найду такое, что давно потерял, а это мне страсть как надо.

– Весь в тебя, – с тяжелым вздохом прошептала мама отцу.

– А что? – поднимаясь из-за стола сказал папа. – Я горжусь

своим сыном и своей семьей. А ну-ка иди сюда. Ну иди, иди.

– У меня же...

Я имел ввиду, что у меня имеется груз, который, наверное, как-то помешает отцу и решил посоветоваться, но не успел. Отец уже смотрел игривыми глазами на маму и потирал руки. Тут он одной рукой поднял ее, второй попытался поднять меня. Сперва у него это получилось, он даже смог простоять без дрожащих коленок около пяти секунд, потом внезапно ослабил хватку и мягко опустился на пол вместе с грузом.

– А, – простонал он.

– У тебя же радикулит, – простонала в унисон отцу мама.

– У тебя же спина, – я не отставал от своей семьи.

– Знаю, черт возьми, – продолжал стонать папа и его попытка доказать нам свою любовь все равно удалась. Потому что я считаю, что если есть попытка доказать, что ты кого-то любишь, то, значит, есть и та самая любовь. Это бесспорно.

Мы лежали на полу втроем, как в картине «Охотники на привале». Эту картину я видел у дяди Коли в прихожей. Он шутил, что это фотография его хоккейной команды. Я еще удивился и спросил, что неужели команда может состоять из трех человек. На это он мне ответил, что в команде в основном то и играют трое – один оценивает ситуацию, стратегию так называемую и высматривает удобную траекторию для подступа к воротам, второй – ведет по этой уже заранее намеченной траектории, а третий – бьет наотмашь.

Папа стонал, мама массировала отцу больное место (спину), а я сидел рядом с грудой молочных продуктов. Меня ждал в комнате глиняный друг, и я обещал ему принести еду. Прошло не менее пятнадцати минут. Как бы он кровать не прожег. От него можно все ожидать.

– Придется в больницу везти, – с досадой в голосе проговорила мама.

– Какая больница? – удивленно воскликнул отец. Ты что, мамочка? Я в полном порядке.

Он попытался встать – в доказательство, что все в полном порядке и даже приподнялся на корточки, но тут выражение его лицо исказилось и стало похоже на мима из номера про большой топор. Только если там мим, получив по шее удар топором, еще долго ходил с ним на шее, то папа ходить не мог – он тут же лег на исходную позицию. Мама к тому времени набирала номер скорой. Папа лежал пластом, так как я знал, что в таких ситуациях лучше человека не трогать. Нужно дождаться врача и тогда тот сделает все возможное.

Вызвав скорую, мама села рядом с лежащим папой и нежно едва касаясь, стала гладить уязвимое место.

– Ты то что сидишь? – раздраженно сказала мама.

– А что? – откликнулся я. – Мне лучше встать?

– Да, тебе лучше встать и принести одеяло из своей комнаты, – шепотом, но резко произнесла мама, кусая нижнюю губу.

– Не забудь взять подушку и калейдоскоп, – успел сказать

папа мне вдогонку, когда я уже шел к себе в комнату.

Когда я вошел, то увидел комнату в фиолетовых цветах. То есть вместо привычных мне обоев с кораблями и морскими снастями – штурвалами, мостиками, на стенах красовались фиолетовые цветы, Потолок был зеленого цвета, а кровать напоминала облако, которое плывет по фиолетовому небу в зеленых лучах солнца. Молокосос лежал на кровати и гладил свой круглый животик. Как только я вошел, он вскочил, и комната обрела свой прежний вид. И что главное, в ней был порядок – кровать аккуратно застелена, на столе царил порядок, а картинки с рыцарями висели на установленном месте над столом.

– Ну что? – взволнованно спросил меня Молокосос, клая клювом.

– Это что сейчас было на потолке? – шепотом, но требовательно спросил я. – А на стене? Откуда такой цвет? – машинально ответил я и сдернул покрывало, от чего маленький друг подпрыгнул и зафырчал как разъяренный котенок.

– Но-но, – встал в позу пернатый. – Ты что делаешь? Я тут порядок навел, а ты его нарушаешь. Ты что так не любишь заправленную постель? Ну, если так, то пожалуйста. Ну, скучно, стало, пока ты за молоком ходил. Вот и порядок навел. А что? Не надо было?

Увидев, что в моих руках нет ничего похожего на молоко, Молокосос захныкал:

– И вообще кто-то молока обещал. Про сгущенку я уже и

не говорю. Хотя бы простое молоко из магазина.

– Извини, мне сейчас не до этого, – произнес я, стягивая одеяло из-под стоящего на нем пернатого.

– Тебе то конечно, – продолжал капризничать Молокосос, показывая крыльями на открытый клюв. – Но мне то до этого.

– Сейчас я занят, – не сдержался я. – Подожди.

Наконец, я вытащил теплое одеяло, взял подушку и пытался найти калейдоскоп, но не нашел, взял ручной экспандер и пошел к отцу.

К этому моменту папа уже лежал на кровати в родительской комнате. Интересно, как это маме удалось его перенести. Я хотел было пожурить (словами жур-жур) маму за то, что она поднимает тяжелые вещи, точнее тяжелую ношу, а еще более точнее отца, который весит под восемьдесят – ведь могло появиться два пластомлежащих. Но мама была более удачливой и, поэтому спокойно сидела рядом с отцом и продолжала делать то же самое, чем занималась в прихожей.

Я стоял с этой постельной атрибутикой и не знал, куда все это деть.

– О, сына, – сквозь расслабленную дрему прошептал отец. – Пришел помочь. О, экспандер, а ну давай.

Я бросил одеяло с подушкой на пол и протянул отцу экспандер. Мама остановила меня рукой.

– Что ж ты гири не принес? Надо были гири.

– Он их не принес, потому что... – начал папа.

– Потому что их у меня нет, – честно ответил я.

– Не паясничай, – по-своему шепотом, но очень хлестко процедила мама.

– Ему не надо сейчас никаких нагрузок. Так и врач сказал... Неужто, забыл?

Слово «врач» подействовало на отца, он сразу присмирел, грустно посмотрел на меня, словно говоря – ты иди, сына, без меня пока, а я тут со всеми разделаюсь и к тебе присоединюсь.

– Да, но он же ручной, а не поясной, – вступал я в защиту отца.

– Все равно, не надо лишних напряжений, – говорила мама, не желая меня слушать.

– Ой, не надо лишних напряжений, сына, – с примесью иронии пропел отец. – Врач, врач, врач, у-у – со страхом в голосе прошептал отец и залез под одеяло.

Наверное, я должен был уйти. Вернуться в комнату, спрятать молокососа, накормить – нет, сперва накормить, а потом спрятать, в общем сделать так, чтобы родители ничего не заподозрили. Сейчас им лучше ничего не знать, у них своих хлопот хватает. Надо отца ремонтировать, потом собираться на другой конец глобуса. Да, надо будет со всеми попрощаться. Специально по всем этажам походить, в каждую квартиру, почти в каждую зайти и дать адрес, пусть пишут. Я никогда еще ни с кем не переписывался.

Отец лежал под одеялом, и только нос выступал из-под

него – видимо ему не хватало воздуха. Обычно я так делаю под утро – когда самый сладкий сон и утренняя свежесть мешает сконцентрироваться на самой интересной кульминационной части сна. Мама сидела рядом и держала отца за руку. На таком уровне они общались – то он крепко сжимал ее фаланги пальцев, то она. Я же стоял как истукан, дополняя в эту идиллическую картину свое присутствие, ничего не делая, но чувствуя свою значимость. Поэтому я стоял около своих одеяла и подушки и наблюдал за своими родителями, которые разговаривали с помощью рук.

За этой мирной беседой я не заметил, как скрипнула дверь и в родительскую спальню вошел знакомый нам персонаж. Он держал в своих крыльях молоко из прихожей и пытался открыть клювом сгущенку. У него ничего не выходило.

– Как хорошо запрятали, – услышал я голос. – Не сковырнуть Мама тут же взлетела на кровать и оказалась с отцом под одеялом.

– Что ты? – возмутился отец. Мы же так не договаривались.

– Там это, – дрожащим голосом произнесла мама.

– Что? – равнодушно прокряхтел отец.

Отец не смотрел в сторону появившегося гостя. Да ему и нелегко было это сделать. Перевернуться на другой бок стоило невероятных усилий.

– Там это, – тряслась как в лихорадке мама. – Такая птица не птица.

– Так птица или все же не птица? – кряхтел отец. Ему не хотелось поворачиваться, но когда мама робела, дрожала, боялась, трусилась, он не мог оставаться безучастным.

– Я не знаю, – чуть не плача проговорила мама.

– Здравствуйте, – весьма учтиво начал пернатый, – Разрешите представиться. Молокосос, он же глиняный бог из племени Харида. Он же источник шума полчаса назад.

В центре комнаты стояла мохнатая птица, с которой я уже был знаком, а неподготовленным родителям предстояло познакомиться, чего я так не хотел.

Мама пыталась дотянуться до телефона, а папа повернуться на правый бок. Они это сделали одновременно – вот что значит долгий семейный союз. Мама набрала номер, а папа издал крик:

– Что это?

И тут же так дернулся, что вырвал шнур от телефонного аппарата и смел чашку с горячим чаем на кровать.

– А, – закричал он. Меня кто-то укусил. Ах, что это?

– Тише, это только твой травяной чай, – успокоила его мама.

– Правда? – не останавливался отец, задавая безостановочно один вопрос за другим. – Это все мой травяной чай? Это от него у меня такие галлюцинации?

– Не думаю – ответила мама и вновь нырнула под одеяло.

Возникла пауза, которая помогла каждому в той или иной степени. Маме плотнее укрепить свои рубежи – зарыть-

ся под двойное одеяло, мне посмотреть на пернатого, задав массу невербальных вопросов, все начинающие с «почему», а пернатому осмотреть комнату. Папа все это застывшее время осматривал нас двоих внимательно и очень пристрастно.

– Вот это спектакль, – еще не слишком уверенно произнес отец. Вот это действительно шоу. Он заплодировал. – Вот сына, удивил.

– Это твоих рук дело? – сердито сказала мама. Кто это в костюме? Лука, это ты? Когда ты пришел? Как я могла не заметить?

Мама подошла к Молокососу и начала дергать того за клюв и тянуть за голову, пытаясь снять, по ее мнению, костюм.

– Так, тютя, – сопротивлялся пернатый. – Не надо меня трогать. Я, конечно уважаю женщин, но если они ведут себя как мужчины, то я за себя не отвечаю.

– Ладно, Лука, хватит, я узнала тебя.

Мама хоть и перестала стягивать с него «костюм», но стояла рядом в ожидании того, что тот сделает это сам.

– А разве Лука не выше ростом? – тщательно всматриваясь, проговорил отец. Где-то на полметра.

– Мы ждем, когда наш, точнее твой, Филимон, друг снимет этот маскарадный костюм. – Может быть кто-нибудь поможет мне.

– Сына, помоги маме, – попросил отец. – Я бы с радостью, но не могу.

– Дело в том, – начал я.

– Давай потом, сынок, – торопила мама. – Сначала расчехлим, а потом поговорим. Хорошо?

Так, сейчас все это и произойдет. Бум и все! Что ж, значит так надо. Рано или поздно. В данной ситуации рановато, конечно. Но... упссс уже произошел. Итак, дорогие родители...

– Дело в том, что он не в костюме.

– Так, интересно, – хором попели родители.

Наконец, мама оторвалась от Молокососа и с интересом взглянула на меня. Я в свою очередь смотрел на «глиняного бога» пытаюсь выказать то недовольство, которое бушевало во мне. Но тот видимо ничего не понял. Его сейчас интересовали мамины выходки.

– Это что сейчас было, тютя? – шел на маму пернатый, приподнимая свои крылья и мотая клюв как оружие без ножен.

– Как ты ко мне обращаешься? – защищалась мама, схватив с туалетного столика керамическую вазу и замахиваясь на нападающего.

– Я говорю, тютя, – не унимался Молокосос. Его не напугал устрашающий взгляд женщины и эта ваза, которая могла опуститься ровно на его темени. Это что это со мной вы сейчас делали?

– Я не могу больше, – редела мама, опуская вазу.

– Bravo! Bravo! – восклицал отец. У него получилось по-

вернуться так, чтобы обозревать все, и он не мешал «актерам» в этом интереснейшем выступлении.

Молокососа понесло. Он хоть и был внешне спокоен, но внутри у него бушевал вулкан, который не замедлил извергнуться.

– Если у вас принято дергать за нос и отрывать головы незнакомцам, тогда я приму меры, я буду кричать. Да, вы еще не слышали мой крик. Он не просто оглушительный, как труба. Как тысячи труб.

– Еще не хватало, чтобы весь дом собрался, – подумал я. – Ладно, Лука. Пошли.

– Какой такой Лука? – пренебрежительно фыркнул пернатый. – Я Молокосос.

Отец уже не мог спокойно лежать на кровати. Он поворачивался с одного бока на другой и казалось, что он забыл про свою боль.

– Гениально. Давно я так не веселился.

Раздался звонок. Отец даже немного забыл о своем недомогании во минуту назад, но сейчас, когда прозвенел звонок, он примерно лег на кровати, поправил подушку.

– Это врач. Откройте.

И как только мама отправилась открывать дверь, он вытянул большой палец правой руки и произнес.

– А вы молодцы.

Я был на ни жив ни мертв от страха. Но папа – молодец. Хороший мне достался отец. Попался какой-нибудь жадный

банкир или ботаник-педагог, тогда что? Скука, а не жизнь. А у меня папа – фантазер. Мне иногда кажется, что папа тоже – инопланетянин. Но он в этом не признается. Ну и ладно. Может быть когда-нибудь он мне в этом признается.

Глава 7

Секреты нашей семьи.

Почему мама хотела стать одним человеком, а стала совершенно другим

Мы так бываем рады, когда приезжает папа. И мама, и я. Однажды папа приехал под новый год. За пятнадцать минут. Едва успели сесть за стол, зажечь свечи. Нас за столом было девять человек. Дядя Коля, его жена, с маминой работы три женщины с удивительными праздничными прическами, мужчина с двенадцатого и женщина с тринадцатого этажей и мы с мамой, конечно. И вот только мы садимся за празднично накрытый стол и начинаем раскладывать салаты оливье по тарелкам, как раздается стук, только мы не сразу поняли откуда он – то ли в стену, то ли на улице от бесконечных пентард или в дверь. Стук тут же повторяется, и источник стука не дожидается, пока на него среагируют и раскрывается сам. В квартиру входит папа, прокопченный, бородатый на указательный палец.

– Дед Мороз? – спрашивает мужчина с двенадцатого.

– Папа! – с восторгом кричу я.

Часы торопятся объявить начало нового дня и года, поэто-

му в считанные секунды шампанское было разлито на компанию в количестве десяти человек.

– Я думал, не успею, – говорит папа хриплым голосом. – Так гнал сейчас такси.

– Так вы разве не на оленях? – удивлено спрашивает женщина с тринадцатого.

– Олени подустали, – иронично отвечает глава семейства. – Я их отпустил. А таксиста нет. Но я ему такой подарок вручил. Рог племени Вентура. Звучит так, что хоть всех святых выноси.

– Кого выноси? – спрашиваю я.

– Святых, – отвечает папа. – Громко звучит. Но у меня и для вас подарок есть.

У папы всегда есть подарки для нас и дело не в том, что мы ждем его подарков, хотя это, конечно, тоже, дело в его непосредственном присутствии. Пусть его прокопченный свитер и обветренная кожа обращают на себя внимание, зато он был с нами. Не за тысячи миль, а за десять сантиметров. И все его качества, которые я так люблю, тоже громоздились в одном человеке, забравшись на плечи, голову, в карманы рубашки и брюк.

Добрый, интересный, неординарный, спокойный, компромиссный.

Отец не любит ругаться. Но если все же что-то дает повод, он просто уходит на кухню, делает себе кофе в турке, наливают сваренное в банку, затем насыпает следующую порцию

и так до тех пор, пока не успокаивается. А эти запасы кофе, он ставит в холодильник, а в течение недели их уничтожает. Иногда я ему помогаю. По мне лучше холодное кофе, чем горячее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.